

\* HTTP: // WWW. ORIENTALSTUDIES. RU

С  
П  
Б  
Ф  
И  
В  
Р  
А  
Н  
/  
S  
P  
B  
I  
O  
S  
R  
A  
S

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ



# ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА

XV

## ПОВЕСТВОВАНИЕ ВАРДАПЕТА АРИСТАКЭСА ЛАСТИВЕРТЦИ

ПЕРЕВОД С ДРЕВНЕАРМЯНСКОГО,  
ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ,  
КОММЕНТАРИЙ И ПРИЛОЖЕНИЯ  
К.Н. ЮЗБАШЯНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО « НАУКА »  
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА · 1968

9(С)1  
П42РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ  
«ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА»:

А. Н. Болдырев, Ю. Е. Борщевский (ответственный секретарь), И. С. Брагинский (заместитель председателя), Ю. Э. Брегель, Б. Г. Гафуров (председатель), П. А. Грязневич, И. М. Дьяконов, М. И. Занд, Г. А. Зограф, Г. Ф. Ильин, У. И. Каримов, А. Н. Кононов (заместитель председателя), Н. И. Конрад, В. М. Константинов, Л. Н. Меньшиков, А. М. Мирзоев, М. С. Султанов, А. С. Тверитинова, Л. С. Хачикян, С. С. Цельникер, Г. В. Церетели.

Ответственный редактор  
Р. Р. Орбели

Памятник — важнейший первоисточник по истории Армении XI в. и сопредельных стран, освещающий армяно-византийские отношения, нашествие сельджуков, деятельность еретиков-тондракистов.

1-6-4  
230-66

СЕРИЯ «ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ  
ВОСТОКА»

## ТЕКСТЫ. БОЛЬШАЯ СЕРИЯ

- I. Ким Бусик, *Самкук саги*. Издание текста, перевод, вступительная статья и комментарии М. Н. Пака, М., 1959.
- II. Фирдоуси, *Шāх-нāме*. Критический текст.
  - Т. I, под редакцией Е. Э. Бертельса, М., 1960 (изд. 2-е, стереотипное, М., 1963; изд. 3-е, стереотипное, М., 1966).
  - Т. II, под редакцией Е. Э. Бертельса, составители текста А. Е. Бертельс, Л. Т. Гюзальян, О. И. Смирнова, М.-Н.О. Османов, А. Т. Тагирджанов, М., 1962 (изд. 2-е, стереотипное, М., 1963; изд. 3-е, стереотипное, М., 1966).
  - Т. III, составитель текста О. И. Смирнова, под редакцией А. Нушина, М., 1965.
  - Т. IV, составители текста Р. М. Алиев, А. Е. Бертельс и М.-Н.О. Османов, под редакцией А. Нушина, М., 1965.
  - Т. V, составитель текста Р. М. Алиев, под редакцией А. Нушина, М., 1967.
  - Т. VI, составитель текста М.-Н.О. Османов, под редакцией А. Нушина, М., 1967.
  - Т. VII, составитель текста М.-Н.О. Османов, под редакцией А. Нушина, М., 1968.
  - Т. VIII — в печати.
  - Т. IX — готовится к изданию.
- III. Са'дй, *Гулистан*. Критический текст, перевод, предисловие и примечания Р. М. Алиева, М., 1959.
- IV. *Путешествие Ун-Амуна в Библию*. Египетский иератический папирус № 120 Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве. Издание текста и исследование М. А. Коростовцева, М., 1960.
- V. Зайн ад-Дин Ва'сифи, *Бад'ай' ал-ва'кай'*. Критический текст, введение и указатели А. Н. Болдырева, т. I—II, М., 1961.

- VI. Арабский аноним XI века. Издание текста, перевод, введение в изучение памятника и комментарии П. А. Грязневича, М., 1960.
- VII. Амӣр Ҳусрау Дихлавӣ, *Маджнун и Лайлӣ*. Критический текст и предисловие Т. А. Магеррамова, М., 1964.
- VIII. Юань-чао би-ши (*Секретная история монголов*). 15 цзюаней. Т. I. Текст. Издание текста и предисловие Б. И. Панкратова, М., 1962.
- IX. Муҳаммад ибн Хиндӯшаҳ Наҳживанӣ, *Дастур ал-катиб фӣ та'ййн ал-маратиб* (*Руководство для писца при определении степеней*). Критический текст, предисловие и указатели А. А. Ализаде. Т. I, часть 1, М., 1964.
- X. Муҳаммад ибн Наджиб Бакран, *Джахан-наме* (*Книга о мире*). [Ч. I.] Издание текста, введение и указатели Ю. Е. Борщевского, М., 1960.
- XI. Муҳаммад ал-Ҳамави, *Ат-Та'рих ал-мансурӣ* (*Мансурова хроника*). Издание текста, предисловие и указатели П. А. Грязневича, М., 1960 (изд. 2-е, стереотипное, М., 1963).
- XII. Усәма ибн Мунқиз, *Китаб ал-манавил ва-д-дийар* (*Книга стоянок и жилищ*). Издание текста, предисловие и указатели А. Б. Халидова, М., 1961.
- XIII. Муҳаммад-Қазим, *Наме-йи 'аламәр-йи надири* (*Мироукрашающая надирова книга*). Т. I. Издание текста и предисловие Н. Д. Миклухо-Маклая. Указатели Г. В. Шитова, М., 1960 (изд. 2-е, стереотипное, М., 1962).
- Т. II. Издание текста, предисловие и общая редакция Н. Д. Миклухо-Маклая. Указатели и аннотированное оглавление О. П. Щегловой, М., 1965.
- Т. III. Издание текста, предисловие и общая редакция Н. Д. Миклухо-Маклая. Указатели и аннотированное оглавление Н. В. Елисеевой, М., 1966.
- XIV. Хюсейн, *Беда'и' ул-века'и'* (*Удивительные события*). Издание текста, введение и общая редакция А. С. Тверитиновой. Аннотированное оглавление и указатели Ю. А. Петросяна. Ч. 1—2, М., 1961.
- XV. Китайские рукописи из Дуньхуана. Памятники буддийской литературы сувэньсюэ. Издание текстов и предисловие Л. Н. Меньшикова, М., 1963.
- XVI. Оцуки Сигэтакэ и Симура Кокё, *Канкай ибун* (*Удивительные сведения об окружающих морях*). Тетрадь восьмая. Словарь. Издание текста и предисловие В. Н. Горегляда, М., 1961.
- XVII. Низамӣ Ганджавӣ, *Лайлӣ и Маджнун*. Критический текст А. А. Алескер-заде и Ф. Бабаева, М., 1966.

## ТЕКСТЫ. МАЛАЯ СЕРИЯ

- I. Фидә'й, *Китаб би хидайат ал-му'минйн ат-талибйн* (*История исмаилизма*). По таджикской рукописи издал, предисловием и примечаниями снабдил А. А. Семенов, М., 1959.
- II. 'Омар Ҳаййам, *Руба'ийат*. Подготовка текста, перевод и предисловие Р. М. Алиева и М.-Н.О. Османова. Под редакцией Е. Э. Бертельса. Ч. 1—2, М., 1959.
- III. 'Омар Ҳаййам, *Трактаты*. Перевод Б. А. Розенфельда. Вступительная статья и комментарии Б. А. Розенфельда и А. П. Юшкевича, М., 1961.
- IV. Хорезми, *Мухаббат-наме*. Издание текста, транскрипция, перевод и исследование Э. Н. Наджиба, М., 1961.
- V. *Вторая записка Абду Дулафа*. Издание текста, перевод, введение и комментарии П. Г. Булгакова и А. Б. Халидова, М., 1960.
- VI. *Пәкрән чхохе*. Антология лирических стихотворений рён-гу с корейским переводом. Издание текста, перевод и предисловие Д. Д. Елисеева, М., 1960.
- VII. *Нишань самани битхэ* (*Предание о нишанской шаманке*). Издание текста, перевод и предисловие М. П. Волковой, М., 1961.
- VIII. *Бяньвэнь о Вэймоцзе*. Бяньвэнь «Десять благих знамений» (*Неизвестные рукописи бяньвэнь из Дуньхуанского фонда Института народов Азии*). Издание текста, предисловие, перевод и комментарии Л. Н. Меньшикова, М., 1963.
- IX. Михри Хатун, *Диван*. Критический текст и вступительная статья Е. И. Маштаковой, М., 1967.
- X. Гомбоджаб, *Ганга-йин урусал* (*История золотого рода владыки Чингиса*. — Сочинение под названием «Течение Ганга»). Издание текста, введение и указатель Л. С. Пучковского, М., 1960.
- XI. *Оросиякоку суймудан* (*Сны о России*). Издание текста, перевод, вступительная статья и комментарии В. М. Константинова. Под редакцией академика Н. И. Конрада, М., 1961.
- XII. Амӣр Ҳусрау Дихлавӣ, *Шайрӣ и Ҳусрау*. Критический текст и предисловие Г. Ю. Алиева, М., 1961 (изд. 2-е, стереотипное, М., 1966).
- XIII. Ахмед Хани, *Мам и Зин*. Критический текст, перевод, предисловие и указатели М. Б. Руденко, М., 1962.
- XIV. Мйрза 'Абдал'азим Самӣ, *Та'рих-и салатйн-и манзатийи* (*История мангытских государей*). Издание текста, предисловие, перевод и примечания Л. М. Епифановой, М., 1962.
- XV. *Ссянчхон кыйбонь* (*Удивительное соединение двух браслетов*). Издание текста, перевод и предисловие М. И. Никитиной и А. Ф. Троцевич, М., 1962.
- XVI. Камалашила, *Бхаванахрама* (*Трактат о созерцании*). Факсимиле с предисловием Е. Е. Обермиллера, М., 1963.

## ПЕРЕВОДЫ

- I. Мухаммад-Казим, *Поход Надир-шаха в Индию (Извлечение из Та'рих-и 'алам-ар-айи надири)*. Перевод, предисловие и примечания П. И. Петрова, М., 1961.
- II. *Законы Ману*. Перевод С. Д. Эльмановича, проверенный и исправленный Г. Ф. Ильиным, М., 1960.
- III. *Дхаммапада*. Перевод с пали, введение и комментарии В. Н. Топорова, М., 1960 (Bibliotheca Buddhica, XXXI).
- IV. 'Абд ар-Рахман ал-Джабартй, *'Адж-аб ал-ас-р фй-т-тар-аджим ва-л- азб-ар (Удивительная история прошлого в жизнеописаниях и хронике событий)*.  
Т. III, ч. 1. *Египет в период экспедиции Бонапарта (1798—1801)*. Перевод, предисловие и примечания И. М. Фильштинского, М., 1962.  
Т. IV. *Египет под властью Мухаммада 'Али (1806—1821)*. Перевод, предисловие и примечания Х. И. Кильберг, М., 1963.
- V. *Брихадараньяка упанишада*. Перевод, предисловие и комментарии А. Я. Сыркина, М., 1964.
- VI. Эвлия Челеби, *Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века)*. Перевод и комментарии. Выпуск 1. Земли Молдавии и Украины, М., 1961.
- VII. Арья Шура, *Тирлянда джатак или сказания о подвигах Бодхисаттвы*. Перевод А. П. Баранникова и О. Ф. Волковой. Предисловие и примечания О. Ф. Волковой, М., 1962.

## СЕРИЯ «ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА»

## ВЫШЛИ В СВЕТ

- I. *Сказание о Бхатре (новые листы сакской рукописи «Е»)*. Факсимиле текста. Транскрипция, перевод, предисловие, вступительная статья, глоссарий и приложение В. С. Воробьева-Десятовского и М. И. Воробьевой-Десятовской, М., 1965.
- II. 1. *Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Часть 1. Надписи X—XVII вв.* Тексты, переводы, комментарии, вступительная статья и приложения Л. И. Лаврова, М., 1966. Часть 2. Надписи XVIII—XX вв. Издание текстов, переводы, комментарий, статья и приложения Л. И. Лаврова, М., 1968.
- III. *Документы на половецком языке XVI в. (судебные акты Каменец-Подольской армянской общины)*. Транскрипция, перевод, предисловие, введение, грамматический комментарий и глоссарий Т. И. Грунина. Под редакцией Э. В. Севортяна. Статья Я. Р. Дашкевича, М., 1967.

- IV. *Китайская классика в тангутском переводе («Лунь юй», «Мэн цзы», «Сяо цзин»)*. Факсимиле текстов. Предисловие, словарь и указатели В. С. Колоколова и Е. И. Кычанова, М., 1966.
- V. Сахиб, *Дафтар-и дилкуш (Сочинение, радующее сердца)*. Факсимиле текста. Предисловие, аннотированное оглавление, краткий текстологический комментарий и указатели Р. Хадизаде, М., 1965.
- VI. *Чандогья упанишада*. Перевод с санскрита, предисловие и комментарии А. Я. Сыркина, М., 1965.
- VIII. 1. *Документы по истории японской деревни. Часть 1. Конец XVII— первая половина XVIII в.* Перевод, предисловие и приложения О. С. Николаевой, М., 1966.
- IX. Симеон Лехаци, *Путевые заметки*. Перевод с армянского, предисловие, примечания и указатели М. О. Дарбинян, М., 1965.
- XI. *История халифов анонимного автора XI века*. Факсимиле рукописи. Предисловие и краткое изложение содержания П. А. Грязневича. Указатели М. Б. Пиотровского и П. А. Грязневича, М., 1967.
- XIII. *Идзумо-фудоки*. Перевод с японского, предисловие и комментарии К. А. Попова, М., 1966.
- XIV. *Клинописные тексты из Кюль-тепе в собраниях СССР (Письма и документы торгового объединения в Малой Азии XIX в. до н. э.)*. Автографические копии, транскрипция, перевод, вводная статья, комментарий и глоссарий Н. Б. Янковской, М., 1968.
- XVI. *Упанишады*. Перевод с санскрита, предисловие и комментарий А. Я. Сыркина, М., 1967.
- XIX. *Чхунхянджон квонджитан («Краткая повесть о Чхунхяне»)*. Факсимиле ксилографа, перевод, предисловие и комментарий А. Ф. Троцевич, М., 1968.
- XX. *Книга правителя области Шан («Шан цзюнь шу»)*. Перевод, предисловие и комментарий Л. С. Переломова, М., 1968.
- XXI. Шараф-хан ибн Шамсаддин Бидляй, *Шараф-наме*. Перевод, предисловие, примечания и приложения Е. И. Васильевой, т. I, М., 1967.
- XXIII. Йусуф ибн Закарийа' ал-Магриби, *Даф' ай-иср 'ан кайм ахл Миср («Удаление бремени с речи жителей Египта»)*. Факсимиле арабской рукописи. Предисловие и указатели А. С. Аввада, М., 1968.
- XXV. *Море писем*. Факсимиле тангутских ксилографов. Перевод с тангутского, вступительные статьи и указатель К. Б. Кепинг, В. С. Колоколова, Е. И. Кычанова и А. П. Терентьева-Катапского, М., 1968.

## ГОТОВЯТСЯ К ИЗДАНИЮ

- VII. Бхамаха, *Поэтические украшения*. Перевод с санскрита, предисловие и комментарий Э. Н. Темкина.

- XII. *Дэн Си цзи*. Перевод с китайского, введение, комментарий и приложение В. С. Спирина.
- XVII. Рашид ад-Дин, *Переписка*. Перевод с персидского, введение и комментарий А. И. Фалиной.
- XXII. Абӯ-л-Фазл Байхақӣ, *История Мас'уда (1030—1041)*. Перевод с персидского А. К. Арендса. Изд. 2, исправленное и дополненное.
- XXIV. Закарий Канакерци, *Хроника*. Перевод с армянского, предисловие и комментарий М. О. Дарбаниян-Меликян.
- XXVI. Чжао Хун, *Мэн-да бэй-лу* («Полное описание монголо-татар»). Факсимиле ксилографа. Перевод с китайского, введение, комментарий и приложения Н. Ц. Мункуева.
- XXVII. Фазлаллах ибн Рӯзбихан Исфահанӣ, *Мухмән-нәме-йи Бухарӣ* («Записки бухарского гостя»). Факсимиле рукописи. Перевод с персидского, введение, комментарий и указатели Р. П. Жалиловой. Под редакцией А. К. Арендса.
- XXVIII. *Древние фудоки* (*Хитати, Харима, Бунго, Хидзэн*). Перевод, предисловие и комментарий К. А. Попова.
- XXIX. Кэнко-хоси, *Записки от скуки*. Перевод с японского, предисловие и комментарий В. Н. Горегляда.
- XXX. Мас'уд ибн Нәмдәр, *Сборник рассказов, писем и стихов*. Факсимиле текста. Предисловие и указатели В. М. Бейлиса.
- XXXI. *Самаркандские документы (грамоты о вакфах Ходжи Ахрара XV—XIX вв.)*. Факсимиле арабских и персидских текстов. Перевод, введение и комментарий О. Д. Чехович.
- XXXII. Сыма Цянь, *Исторические записки* («Ши цзи»), т. I. Перевод с китайского, предисловия и комментарий Р. В. Вяткина.
- XXXIII. *Тексты Кумрана*. Вып. I. Перевод с древнееврейского и арамейского И. Д. Амузина.

## СОДЕРЖАНИЕ

|                                                                                                                    |     |
|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| К. Н. Юзбашян Аристахэс Ластивертци и его исторический труд . . . . .                                              | 13  |
| ПОВЕСТВОВАНИЕ ВАРДАПЕТА АРИСТАХЭСА ЛАСТИВЕРТЦИ<br>О БЕДСТВИЯХ, ПРИНЕСЕННЫХ ОКРУЖАЮЩИМИ НАС<br>ИНОРОДНЫМИ ПЛЕМЕНАМИ |     |
| I. События в Армении . . . . .                                                                                     | 55  |
| II. Об Армянском царстве . . . . .                                                                                 | 58  |
| III. О втором нашествии императора на Тайк, где иверские<br>войска потерпели поражение . . . . .                   | 63  |
| IV. О последней битве в Шлйай . . . . .                                                                            | 68  |
| V. Царствование Константина . . . . .                                                                              | 69  |
| VI. Как царствовал Роман . . . . .                                                                                 | 71  |
| VII. Взятие города Урһи . . . . .                                                                                  | 72  |
| VIII. Кончина Романа . . . . .                                                                                     | 73  |
| IX. Царствование Михаила . . . . .                                                                                 | 74  |
| X. Царствование Константина, Мономаха по прозвищу,<br>сына Феодосия . . . . .                                      | 78  |
| XI. О побоище в <i>газаре</i> Басеан и близ горы Смбата . . . . .                                                  | 86  |
| XII. О беспощадной резне в Арһне . . . . .                                                                         | 90  |
| XIII. О великой битве в долине Басеана, в которой ромей<br>понесли поражение . . . . .                             | 94  |
| XIV. До каких пор патриарх Петрос пребывал в Константи-<br>нополе и как вернулся . . . . .                         | 95  |
| XV. О страшном бедствии, постигшем цветущий город<br>Карс . . . . .                                                | 96  |
| XVI. О нашествии Султана . . . . .                                                                                 | 97  |
| XVII. Конец царствования Мономаха . . . . .                                                                        | 104 |
| XVIII. Царствование Феодоры, что в переводе значит Бого-<br>данная . . . . .                                       | 107 |
| XIX. О разорении Междуречья и тамошних городов и об<br>[учиненном там] страшном избиении . . . . .                 | 114 |
| XX. Царствование Комиана . . . . .                                                                                 | 115 |
| XXI. Гибель Мелитины — цветущего города . . . . .                                                                  | 115 |

## Содержание

|                                                                                                                        |     |
|------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| XXII. О нечестивой секте топдракцев, которая объявилась в <i>гагаре</i> <i>hArk</i> и многих заразила смутой . . . . . | 118 |
| XXIII. Надлежит поведать о том, как и в пределах Мананали вспыхнуло пламя заблуждения . . . . .                        | 122 |
| XXIV. Об избиении мечом прославленного на весь мир города Ани . . . . .                                                | 128 |
| XXV. О греческом императоре, полоненном персидским царем . . . . .                                                     | 137 |
| Памятное слово настоящего сочинения . . . . .                                                                          | 134 |
| КОММЕНТАРИЙ . . . . .                                                                                                  | 139 |
| ПРИЛОЖЕНИЯ . . . . .                                                                                                   | 175 |
| Список литературы, использованной при переводе . . . . .                                                               | 177 |
| Список сокращений . . . . .                                                                                            | 180 |
| Указатель имен . . . . .                                                                                               | 181 |
| Указатель географических и этнических названий . . . . .                                                               | 186 |
| Терминологический указатель . . . . .                                                                                  | 190 |
| SUMMARY . . . . .                                                                                                      | 191 |

Дорогой памяти  
Иосифа Абгаровича Орбели

## АРИСТАКЭС ЛАСТИВЕРТЦИ И ЕГО ИСТОРИЧЕСКИЙ ТРУД

XI в. в истории Армении — время, насыщенное бурными событиями. Расцвет и последовавший за ним упадок политического могущества Анийского царства, захват армянских территорий Византией, нашествие сельджуков, разорение городов, массовые избиения и пленения, наконец, напряженная классовая и политическая борьба, усугубленная неизбежной феодальной междоусобицей, — все это оставило в сознании современников глубокий, неизгладимый след. Не удивительно, что эта эпоха дала писателя, сумевшего если не раскрыть, то хотя бы показать наиболее значительные явления своего времени.

Содержательность, достоверность изложения в сочетании с непосредственностью восприятия и, наконец, образность, порой подлинная художественность обеспечили «Повествованию» Аристакаса Ластивертци почетное место в ряду лучших памятников армянской средневековой историографии. Аристакас не сторонний наблюдатель. Он глубоко переживает события своей эпохи и всеми доступными ему литературными средствами стремится довести свои мысли и чувства до читателей. А в их памяти еще были живы описываемые автором события, близки и понятны его политические идеи.

Сведения, которыми мы располагаем об авторе «Повествования», весьма скупы. Как явствует из заглавия его труда, он был *вардапетом* — так в средние века называли ученого, который принадлежал к духовенству, но мог не исправлять богослужебных треб и быть непричастным к обрядам церкви. Это звание (и его атрибут — вардапетский посох) получали после специального экзамена. *Вардапеты* могли жить как в монастырях, так и при дворцах царя или католикоса.

Вторая часть имени автора «Ластивертци» показывает, что он происходит из местечка Ластиверт. В главе X «Повествования», говоря об Ардне (городе, расположенном в то время к северу от нынешнего Эрзерума), Ариста́кэс называет его «нашим городом». На этом основании полагают, что Ластиверт находился близ Ардна. Широкая осведомленность в истории преимущественно византийской Армении (как и самой Византии) в какой-то степени может быть обусловлена западноармянским происхождением нашего автора.

«Повествование» было создано после 1072 г. В главе XXV Ариста́кэс упоминает о смерти сельджукского султана Алп-Арслана (1063 — 1072) — очевидно, он писал свой труд вскоре после этой даты, под впечатлением недавно пережитых событий. Ариста́кэс был очевидцем восстания Никифора Фоки против византийского императора Василия II в 1022 г., стало быть, он закончил свой труд в старости. Матфей Эдесский, завершивший свою летопись в 1136 г., упоминает Ариста́кэса среди церковных писателей X—XI вв. и говорит о нем как об уже умершем<sup>1</sup>. На основании текста «Повествования» *terminus ante quem* определяется точнее. В главе VII Ариста́кэс рассказывает о взятии Эдессы в 1031 г. византийцами и добавляет: «С тех пор и поныне город подвластен ромеям». Сельджуки заняли город в 1087 г.<sup>2</sup>, следовательно, сочинение было написано до этой даты.

Таким образом, хронологическими пределами создания нашего памятника следует считать 1072 и 1087 гг. Если к сказанному прибавить, что авторству Ариста́кэса Ластивертци приписывают богословские сочинения о рождении Иисуса и о разговении, то этим наличествующие биографические сведения будут исчерпаны<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Маттэос Урхайеци, стр. 179; франц. пер., стр. 151 (все библиографические ссылки даются в сокращенном виде, за исключением изданий, упоминаемых только один раз; см. «Список литературы, использованной при переводе»).

<sup>2</sup> Там же, стр. 236; франц. пер., стр. 198; С. Cahen, *Première pénétration*, p. 49.

<sup>3</sup> Гарегин [Зарбаналян], *История древней армянской литературы*, Венеция, 1894, стр. 592—595 (на арм. яз.); Г. Алишан, *Хайапатум*,

Сочинение Ариста́кэса Ластивертци состоит из ритмического пролога, 25 глав и послесловия — духовной, по выражению Н. Эмина, средневековых летописцев. События излагаются в определенной хронологической последовательности<sup>4</sup>, автор избегает экскурсов, и каждая глава представляет собой законченный очерк, посвященный определенному историческому событию. В «Повествовании» нетрудно выделить три темы, вокруг которых ведется изложение. Это Византия и армяно-византийские отношения, нашествия сельджуков и наконец деяния «нечестивых» еретиков-тондракитов.

Обратимся к разбору соответствующих глав сочинения, помня о том, что труд создан страстным публицистом и освещение, которое дает Ариста́кэс тому или иному факту, позволяет судить о его общественных и политических взглядах, ярко характеризует его мировоззрение. Это особенно важно, поскольку основные идеи памятника в известной мере отражают общественные настроения 70-х годов XI в. Хронологическими гранями «Повествования» являются 1000 и 1071 гг., но для уяснения описываемых событий следует сделать небольшой экскурс в историю багратидской Армении, коснувшись при этом и некоторых специфических моментов армяно-византийских отношений.

\* \* \*

В 886 г. армянская феодальная знать возвела на престол князя князей Армении Ашота Багратуни. Халифат признал его верховные права, и арабский правитель (остикан) Ахмад ибн 'Исā от имени Му'тамида ибн ал-Мутаваккиля вручил Ашоту царскую корону, пожаловал ему царские одеяния, ценные дары, благородных коней, дорогое оружие и украшения.

Этот акт не был признанием царской династии: сыну Ашота, Смбату I, дважды пришлось испрашивать корону.

Венеция, вып. I, 1901, стр. 91 (на арм. яз.); Абемян, *История древне-армянской литературы*, стр. 32—43.

<sup>4</sup> Исключение составляют лишь главы XXII и XXIII.

Более того, принимая от халифа царский венец, Ашот как бы признавал свою вассальную зависимость. Халифат не скоро примирился с утратой Армении, и страна не раз еще подвергалась арабским нашествиям. Тем не менее это был очень важный шаг по пути завоевания собственной государственности, навсегда, казалось, утраченной в V в. Более 400 лет Армения была данницей сасанидского Ирана, Византийской империи и арабского халифата, предпринимала героические попытки к освобождению, но соотношение сил было слишком неравным и восстания в большинстве случаев жестоко подавлялись. Но когда в IX в. обнаружились явные признаки разложения халифата, Армения начала борьбу за утверждение собственной государственности. Вслед за арабами и Византия признала Ашота царем. Византийское правительство надеялось, что Армения останется одной из имперских провинций, и признанием царской власти стремилось, с одной стороны, утвердить (подобно халифату) свои верховные права, с другой — не допустить безраздельности арабского влияния. В дальнейшем, на протяжении десятилетий, армянским династам приходилось лавировать между мусульманским халифатом и христианской империей.

Первоначально власть Багратидов распространялась на сравнительно ограниченную территорию северной Армении. Ашот I и его преемники стремятся расширить пределы своего государства, но повсеместно наталкиваются на упорное сопротивление феодальных владетелей. Осуществлению великой задачи Багратидов — созданию единого армянского государства — мешала и сложная внешняя обстановка: арабы время от времени предпринимали грабительские набеги и натравливали друг на друга отдельные феодальные фамилии.

И все же к концу X в. значительная часть Армении сбросила арабское иго. Мелкие эмираты были упразднены и в большинстве случаев заняты византийскими войсками.

К X в. значительная территория северной Армении находилась под властью Багратидов. При Ашоте III (952—977) малоприметная в прошлом крепость Ани стала столицей

Ширакского царства и в известном смысле общеармянской столицей.

Южнее Ширака, вокруг оз. Ван и на восток от него, располагалось Васпураканское царство. Там правили наиболее могущественные после Багратидов Арцруниды. Соперничество между ними и Багратидами принимало самые острые формы. В 908 г. эмир Йусуф вручил Гагику Арцруни (908—943) присланную халифом царскую корону, стараясь пресечь растущее влияние ширакских царей.

Западнее Ширакского царства было расположено Ванандское со столицей в Карсе. Здесь правили представители боковой ветви Багратидов, которые находились в вассальной зависимости от ширакских царей.

В 970 г. в юго-восточной Армении образовалось новое княжество — Сюнийское, которое, как и Ванандское, зависело от Багратидов Ширака. Центром Сюника поначалу был Сисиан, а затем Капан.

Во второй половине X в. в северной Армении возникло Ташир-Дзорагетское, или Лорийское, царство с центром в Лорэ, где также правили представители рода Багратидов.

Помимо этих чисто армянских государственных объединений крупную политическую роль играет Тайское княжество со смешанным армяно-грузинским населением. С 60-х годов X в. здесь правит Давид Куропалат, один из могущественнейших феодальных династов Закавказья.

В это время Армения переживает период экономического подъема, который захватил и сельское хозяйство и ремесло. «Хутора превратились в села, а села — в города», — рассказывает современник. Крепнет и ширится вотчинное хозяйство. В городах развивается ремесленное производство. Особой известностью пользуются армянская керамика и ткани, металлические изделия и ковры. Идет интенсивное городское строительство, возводятся неприступные замки. Как старые города (Двин, Ван), так и новые (Ани, Арцн, Карс, Хлаф, Лорэ) вовлекаются в международную торговлю. По Армении проходят крупнейшие караванные пути:

В период правления Гагика I Багратуни (990—1020) Армения достигает высшего расцвета. В 990-х годах Гагику удается овладеть Двином, древней столицей Армении, который на протяжении трех столетий был оплотом арабского владычества в Закавказье. Лорийское, Ванандское и в известной степени Васпураканское царства признают власть Гагика. С его правления и начинается Ариста́кэс Ластивертци свое «Повествование»<sup>5</sup>.

Расцвет Анийского царства совпал с периодом, когда Византийская империя повела решительную борьбу против крупных и мелких арабских правителей, стремясь вернуть свои малоазиатские провинции. При Никифоре Фоке (963—969) и его преемнике Иоанне Цимисхии (969—976) в руках Византии оказались Крит и Кипр, северная Сирия с Антиохией и Алеппо, значительная часть Палестины и Киликии. Объектами византийских завоеваний становятся также Армения и Грузия. На протяжении X—XI вв. Византия неуклонно стремится утвердить свои верховные права над армянскими областями и одновременно способствует дальнейшей иммиграции в империю многочисленных представителей армянских феодальных фамилий. Первым значительным шагом на этом пути явился захват Тарбона.

Плодородная Тарбонская область, расположенная в долине р. Арацани, западнее оз. Ван, вотчина крупнейшей феодальной фамилии Мамиконянов, в середине IX в. отошла к представителям боковой ветви Багратидов. На протяжении нескольких десятков лет византийское правительство, с одной стороны, покровительствовало местным феодалам, жаловало им титулы и имения, а с другой — разжигало междоусобицу. Византийское влияние в Тарбоне было очень велико, и в 966 г., после смерти Ашота Багратуни, эта область была аннексирована. Византийское владычество, однако, вызывало

<sup>5</sup> Общих работ, посвященных Армении эпохи Багратидов, имеется очень мало. См.: А. Грен, *Династия Багратидов в Армении*; Марр, *Ани*; R. Grousset, *Histoire d'Arménie*, Paris, 1947; «История армянского народа».

острое недовольство, и, когда в 976 г. крупный малоазиатский магнат Варда Склир поднял восстание против императора Василия II, к нему немедленно примкнули сыновья Ашота Багратуни — Григор и Багарат, хотя еще совсем недавно Никифор Фока пожаловал им сан патрикия и одарил доходными имениями. Надо отметить, что роль армян в этом восстании очень велика: армянские отряды византийского войска первыми признали Склира императором<sup>6</sup>.

В главе III «Повествования» Ариста́кэс упоминает об этом восстании в связи с отложением Никифора Фоки.

Подчинив Тарбон, Византийская империя начала решительное наступление на армяно-грузинскую область Тайк (Тао). Предыстория захвата Тайка теснейшим образом связана с восстанием Варды Склира.

Известно, что восстание приобрело громадный размах, византийские властители в Малой Азии один за другим примыкали к Склиру, правительственные войска терпели поражение. «Мятежник» дошел до Никеи и собирался двигаться на Константинополь. Положение стало угрожающим. И тогда паракимомен Василий, который при дворе Василия II и Константина фактически был регентом, предложил призвать на помощь другого малоазиатского магната, Варду Фоку, томившегося в монастыре на о-ве Хиосе. В битве при Панкалии (близ города Амория) 19 июня 978 г. и в сражении при местечке Βασιλικὰ Θέρμα (в византийской феме Харсиане) Варда Фока потерпел поражение. Тогда обратились за помощью к Дави́ду Куропалату. С Афона прибыл принявший схиму военачальник Торник, и под его командованием 12 тыс. солдат Дави́да помогли Варде Фоке нанести Склиру поражение во втором сражении при Панкалии 24 марта 979 г.<sup>7</sup> В благодарность Дави́д получил в пожизненное

<sup>6</sup> О Тарбоне в багратидское время см.: N. Adontz, *Les Taronites en Arménie et à Byzance*, — «Byzantion», IX, 1934, 2; X, 1935, 2; XI, 1936, 1.

<sup>7</sup> В своей интереснейшей статье, посвященной Торнику, Н. Г. Адонц (N. Adontz, *Tornik le Moine*, — «Byzantion», XIII, 1938, 1) высказывает соображения по поводу того, что Варда Фока лишь дважды встречался

владение обещанные ему земли южнее Тайфа<sup>8</sup>. Часть пожалованных земель фактически уже принадлежала Давиду, часть пришлось отвоевывать у мусульманских династов.

В 987 г. началось новое восстание, и давние противники Варда Фока и Варда Склир были объявлены императорами (в главе III Аристокс вспоминает и об этом восстании). Фока вскоре предал Склира и двинулся к византийской столице. На этот раз Давид Куропалат ориентировался на Фоку-повстанца. Но прибывшая из Киева варяго-русская дружина помогла Василию II одержать победу, и в апреле 989 г. Варда Фока пал на поле битвы. Покончив с узурпатором, византийский император направил войска против Давида Куропалата. «И просил Давид, царь грузин, у царя Василия прощения и пощады и обещал ему повиновение и покорность и что его владения после его смерти будут присоединены к его (Василия) государству ...» — рассказывает об этих событиях хорошо осведомленный автор Яхья Антиохийский<sup>9</sup>. Следует думать, что мир был куплен признанием пожизненных прав не только на приобретенные территории, но и на вотчинные владения Давида<sup>10</sup>. После смерти тайского династа Василий II не преминул воспользоваться своими правами.

со Склиром — в битве при Панкалии и в сражении при Василіа Θέρμα. Вопреки изложению византийского писателя Скилицы второго сражения при Панкалии не было. Вопрос нуждается в дальнейшей разработке, поэтому я не решился безоговорочно принять точку зрения Н. Г. Адонца.

<sup>8</sup> См. карту «Армения на рубеже X—XI вв.» в изд.: С. Т. Еремян, *Атлас к книге «История армянского народа»*, ч. I (изд. 1951 г.), Ереван, 1952.

<sup>9</sup> Цит. по: В. Р. Розен, *Император Василий Болгаробойца*, стр. 277–10.

<sup>10</sup> По мнению Н. Г. Адонца, высказанному в цитированной выше статье, византийские территории были уступлены Давиду после восстания Варды Фоки — это интересная, но спорная точка зрения. Об участии грузин в этих движениях см. Н. Ломоури, *К истории восстания Варды Склира*, — «Труды Тбилисского государственного университета», 1957, № 67.

31 марта 1000 г. Давид Куропалат был отравлен своими вассалами, подкупленными, очевидно, Василием II. Когда весть об этом дошла до императора, он поспешил в Тайф. С этих событий и начинается «Повествование». Согласно нашему автору и Асолику, император щедро одарил тайских феодалов, и они, «получив утверждение в своих владельческих правах и высокие титулы, радовались и ликовали». Навстречу Василию вышли также абхазский царь Баграт и его отец, царь Восточной Грузии Гургэн. Первый был возведен в достоинство куропалата, второй — магистра. Однако эта идиллия не могла скрыть истинных намерений императора: Василий II стремился приобщить Тайф к своим владениям. Отношения между императором и местными феодалами были весьма напряженными, и достаточно было небольшого повода, чтобы началось настоящее сражение. Сопротивление тайских феодалов было сломлено, на поле боя осталось до 30 знатнейших местных династов. В изложении Яхьи Антиохийского нет красочных подробностей, собственных рассказам Аристокса и Асолика, но он точнее передает сложившуюся в Тайфе обстановку: «И принял царь все страны грузин и назначил над ними от себя правителей из греков»<sup>11</sup>.

Борьба за Тайф продолжалась. Уже в 1001 г. грузинский царь Гургэн попытался овладеть Тайской областью. Василий двинул против него войска под командованием Каникла (Никифора Урана), но лишь к зиме стороны пришли к полюбовному соглашению и Гургэн уступил<sup>12</sup>. Часть исконных владений Давида Василий пожаловал (очевидно, пожизненно) царю Баграту III. В 1014 г. Баграт скончался, и ему наследовал сын его Георгий. Василий немедленно потребовал возвратить эти земли империи. Георгий решительно отказался сделать это, и Василий вынужден был временно забыть о своих притязаниях. Но «это было началом гибели Тайской страны», горестно замечает Аристокс (стр. 58).

<sup>11</sup> Цит. по: В. Р. Розен, *Император Василий Болгаробойца*, стр. 41<sub>31–32</sub>.

<sup>12</sup> Асолик, стр. 278–279; русск. пер., стр. 201–202.

Действительно, в 1021 и 1022 гг. Василий II предпринимает походы на восток, чтобы окончательно вступить во владение завещанными ему Давидом Куропалатом территориями, на которые продолжал претендовать Георгий. В главах II, III и IV Ариста́кэс подробно описывает кровавые события этих лет, в результате которых Василий овладел значительной частью принадлежавших Давиду земель<sup>13</sup>.

В те же годы к Византии отошло и Васпураканское царство. Уже в 1000 г., когда Василий II прибыл в Тай́к, к нему явились васпураканские правители — братья Гургэн и Сене́керим Ард́руни. Император, рассказывает Асолик, щедро одарил их и стремился оградить Васпуракан от нашествий соседних мусульманских правителей<sup>14</sup>. В 1016 г. Васпуракан подвергся набегу тюркской орды. Напуганные этим нашествием и тюркским же нападением на Нахча́ван и Двин в 1021 г. царь Сене́керим и его брат и соправитель Дереник уступили свои владения Византии. Империя, рассказывает историк, получила 72 крепости и 4400 деревень (цифра, разумеется, преувеличенная). Васпуракан был превращен в катепанат, во главе которого поставили Василия Арги́ра, а затем Никифора Комнина. Сене́керим вместе со всей семьей, в том числе сыновьями Давидом, Ато́мом, Абу-са́нлом, переселился в Каппадокию, ему был пожалован титул патрикия. Он стал стратигот Каппадокии и получил города Севастию, Лариссу и Авару. Армянские и византийские авторы (равно как и Яхъя Антиохийский) описывают это событие как мирное переселение. Между тем следует думать, что обмен владениями произошел не только под впечатлением тюркского набега, но и вследствие византийского нажима. Во всяком случае уже в 1021 г. сын Сене́керима Дави́д оказался в числе участников антиправительственного заговора Никифора Фоки (которому, впрочем, он вскоре изменил).

<sup>13</sup> Z. Avalichvili, *La succession du curopalate [David d'Ibérie, dynaste de Tao]*, — «Byzantion», VIII, 1933, 1, p. 199.

<sup>14</sup> Асолик, стр. 280—281; русск. пер., стр. 203—204.

О переселении Сене́керима в Византию Ариста́кэс вспоминает в главе III, причем ошибочно полагает, что сам Сене́керим (а не его сын Дави́д) принял участие в заговоре против Василия.

Наиболее значительным, хотя и кратковременным достижением византийской политики на Востоке явился захват Анийского царства. Утверждение империи в Васпуракане, Тай́ке и соседних областях не оставляло никаких сомнений в характере и целях византийской политики на Востоке. Опасаясь за судьбы Анийского царства, сын и преемник Гагика I Йовһаннэс-Смбат (1020—1041) заключил союз с грузинским царем Георгием I, который продолжал сопротивляться византийской экспансии. Когда в 1000 г. Василий II впервые прибыл в Тай́к, царь Гагик гордо отказался выйти ему навстречу<sup>15</sup>. Ныне же времена были не те; анийский царь, не чувствуя за собой реальной силы, явился вскоре с повинной. Немалую роль сыграла при этом, очевидно, и провизантийская группировка при армянском дворе, влияние которой быстро возрастало. Согласно «Повествованию», важнейшему литературному источнику по истории захвата Анийского царства Византийской империей, и другим памятникам, Василий вынудил армянского царя признать свои владения пожизненными и завещать их Византии. В 1041 г. скончались Йовһаннэс-Смбат и его брат Ашот IV. Глава провизантийской группировки, регент Саргис (носивший византийский титул веста), предпринял попытку захватить власть, но другая партия, возглавляемая прославленным полководцем Ваһрамом Паһлавуни, встала на защиту прав сына Ашота — юного Гагика II. Началась борьба между регентом и малолетним царем, и последнему с немалым трудом удалось вступить в Ани. В то же самое время византийские отряды пытались занять Армению. «Когда весть о смерти [армянского] царя достигла ушей ромейского самодержца, — рассказывает Ариста́кэс в главе X, — он счел, что грамота об Армении

<sup>15</sup> Асолик, стр. 277—278; русск. пер., стр. 201.

[утверждает его право] на наследственную собственность, и приступил к захвату города Ани и [всей] страны (стр. 81).

Население страны мужественно сопротивлялось, и император Константин Мономах, чтобы добиться успеха, решил заманить Гагика в Константинополь. Под нажимом провизантийски настроенных царедворцев Гагик покинул свою столицу и более туда не вернулся. Армянские писатели, в особенности Матфей Эдесский, неизменно обращают внимание на тот почет, которым окружили в Византии армянского царя, но они не в силах скрыть трагической действительности. Гагик оказался в почетной ссылке: ему был пожалован титул магистра, он получил прибыльные земли в Каппадокии, Харсиане и Ликанде, и после этого византийцы смогли занять все Анийское царство. Как и Васпуракан, оно было обращено в катепанат. В то же время, когда византийские войска осаждали Ани, один из крупнейших армянских феодалов Григор Пахлавуни отказался от прав на свою вотчину и переселился в Византию, получив титул магистра и земли в Месопотамии.

В 1064 г. сходным же образом империя овладела Ванандским (Карским) царством.

Византийской империи, армяно-византийским отношениям в «Повествовании» уделено значительное место. Ариста́кэс отлично знаком с внутренним устройством Византийской империи, хорошо знает административную терминологию. Он широко пользуется такими специфическими терминами, как *паракимомен*, *анфинат*, *орфанотроф*, *руга*, *доместик*, употребляя их в арменизированной форме, бытовавшей в армяноязычной среде: *парекиманос*, *антипатос*, *бртанорос*, *хрөг*, *демесликос*. В его лексике встречаются кальки таких терминов, как *прония*—*ног*, *динат*—*хэбр*. Осведомленность Ариста́кэса в вопросах, связанных с византийской действительностью, носила не только книжный характер, так как он происходил из той части Армении, которая с конца IV в. была включена в состав империи.

Отношение Ариста́кэса к Византийской империи весьма различно. В тех случаях, когда автор повествует о стране

греков и ее правителях вне зависимости от Армении, он выступает лишь в качестве моралиста. Описывая, например, царствование Михаила V Калафата, усыновленного и возведенного на престол Зоей, Ариста́кэс пишет: «Но кесарь вместо благодарности императрице за добро замыслил сослать ее с родными на отдаленные острова, дабы власть принадлежала только ему и его близким» (стр. 77). Михаил V царствовал очень недолго и по приказу сестры Зои, Феодоры, был ослеплен. «А император, который еще вчера пребывал на золотом престоле и повелевал вселенной, сегодня ослеплен и восседает на седалище тщеты и поношения. И те, кому казалось, что они будут вечно владеть морем и сушей, в единое мгновение лишились возможности спасти самих себя... Такова история переменчивой судьбы кесаря...» (стр. 78). Такой сентенцией заканчивает Ариста́кэс главу IX. В другом месте Ариста́кэс рассказывает об императоре Романе Аргире, который приказал схватить сирийского епископа, остричь ему бороду, посадить на осла, провести по площадям и улицам Константинополя, а затем заковать в железо; несчастный умер в оковах. Ариста́кэс порицает Романа за его приверженность к халкидонитству и объявляет, что за подобные прегрешения ромеев вскоре постигло наказание божье: арабы напали на византийские отряды и учинили страшное избиение (глава VI).

Гораздо интереснее проследить за мыслями историка, когда он повествует об армяно-византийских отношениях. Современник и очевидец того, как Византийская империя дипломатическими средствами и силой оружия смогла наконец захватить значительную часть армянских территорий, Ариста́кэс, казалось бы, должен был выступить ярким противником византийского владычества. Однако его отношение к Василию II, который на протяжении двух десятилетий вел борьбу за овладение Тайком и создал предпосылки для дальнейшего захвата Анийского царства, не оправдывает это предположение.

Выше говорилось, что в главе I «Повествования» речь идет о том, как был убит Давид Куропалат, причем грузин-

ские феодалы, отравившие Дави́та под пасху 1000 г., были спровоцированы не кем иным, как Василием II.

Симпатии Аристокса целиком на стороне Дави́та: «был он могучий и щедрый созидатель, пекся о бедных и войстину [воплощал] мирное начало, ибо в его время каждый отдыхал под своим виноградным кустом и смоковницей» (стр. 56). Автор с удовлетворением отмечает, что убийцы «блаженного мужа» понесли заслуженное наказание; он явно догадывается, кто стоял за спиной отравителей: тайские *азаты* «задушили блаженного мужа, ибо были недовольны его действиями и уповали на обещания, данные до этого императором» (стр. 56). И тем не менее историк не порицает Василия II, бесстрастно повествует об административных мерах, проведенных в отошедших к Византии провинциях, и завершает рассказ сообщением, что после этого Василий мирно пустился в путь и прибыл в свой царственный город Константинополь. «Это было в 450 году (армянской эры, т. е. 1001-1002 г. нашего летосчисления. — К.Ю.), и в стране на 14 лет воцарился мир».

В 1021 г. Василий совершил новый поход на Восток, чтобы утвердиться в завещанных ему Дави́том Куропалатом областях. Грузинский царь Георгий I оказал византийским отрядам сопротивление. Началось ужасное побоище, жертвой которого явилось мирное население захваченных городов и сел. Со свойственным ему жаром Аристокс рисует страшную картину резни, учиненной византийскими отрядами. Но эти бедствия вызваны, по его мнению, богохульством грузин либо обусловлены жестокостью «западного войска, набранного из диких племен». Сам же император выступает в роли грозного мстителя, защитника своих законных интересов: «Боже, где твое милосердие! Сколь безжалостен приказ императора! Но и свершенное не смягчает его гнева, он вновь и вновь поднимает десницу, чтобы умножить эти бедствия новыми!» (стр. 62). Вообще же Василий для нашего автора — «могущественный император, постоянный победитель в войнах, подчинивший множество стран, увлеченный подвигами мужества» (стр. 71).

Аристокс превосходно осведомлен о том, что в 1021 г. армянский царь Йовһаннэс-Смбат завещал Анийское государство византийскому василевсу. Более того, он с безнадежностью заключает, что то была «грамота о гибели Армении!». И при всем этом — откровенный пиетет к памяти автократора. Все это заставляет думать, что во времена Василия II и Константина VIII византийская дипломатия предпринимала настойчивые и небезуспешные попытки уверить армянскую знать в дружественных намерениях империи. И если, основываясь только на интересующем нас памятнике, о подобных шагах можно лишь догадываться, то у Матфея Эдесского (завершившего свой труд, собственно основную его часть, в 1136 г.) сохранилась выразительная реплика. Матфей рассказывает, что накануне смерти Василий призвал к себе будущего Константина VIII и обратил его внимание на Армению, дабы тот «отечески покровительствовал этому народу»<sup>18</sup>. Матфей сохранил отголосок тех настроений, которые у Аристокса нашли лишь опосредствованное отражение. Впрочем, и в «Повествовании» мы находим отрывок, который призван иллюстрировать дружелюбное отношение последних императоров Македонской династии к Анийскому царству. По словам автора, накануне смерти император Константин VIII вызвал к себе армянского иерея Кюракоса, вручил ему грамоту по поводу Армении и сказал: «Доставь это письмо, передай царю Армении. И скажи ему, что нас, как и всех смертных, достиг зов смерти, поэтому, мол, возьми свою грамоту и передай царство сыну своему, а сын твой — своим отпрыскам навечно!» (стр. 80). Кюракос же, заключает автор, припрятал грамоту, затем продал ее Михаилу IV, став виновником величайших бедствий армянского народа.

Апокрифичность этого известия доказательств не требует, но характерно, что Аристокс включил его в главу X, посвященную захвату Ани, стремясь тем самым противопоста-

<sup>18</sup> Матфеос Урһайеци, стр. 55; франц. пер., р. 43.

вить политику Василия и Константина захватническим действиям Мономаха.

Действительно, те страницы «Повествования», которые посвящены захвату Анийского царства, проникнуты иным настроением. В речи Ариста́кэса явственно заметны нотки осуждения византийской политики. В 1041 г. умер царь Йовһаннэс-Смбат. Анийское царство перешло во власть империи. Наш автор порицает Константина Мономаха за вероломство: Ани был захвачен «не по закону войны, но лукавой речью». Он вспоминает о завещании Йовһаннэса-Смбата: «Все это постигло Армению из-за сделки, о которой мы недавно упомянули. Этот торг кажется мне более бесчеловечным, чем Иудин, ибо в том случае продавший достоин осуждения, но сама сделка явилась уплатой за спасение всего человечества... Этот же торгош (имеется в виду иерей Кюракос. — *К.Ю.*) нагл и бесчеловечен, ибо явился причиной стольких зол» (стр. 83—84). Привлекая многочисленные цитаты из священного писания, автор клеймит Мономаха за многие злодеяния по отношению к Армении и армянской церкви. Чтобы усилить впечатление, Ариста́кэс тщательно собирает и преподносит множество сведений о беспутстве и чревоугодии императора. Но даже в главе, посвященной падению Анийского царства, Ариста́кэс Ластивертци не столько осуждает империю и ее захватническую политику, сколько оплакивает бедственный «конец страны нашей Армянской»: «В эти дни ромейские войска в своем натиске четырежды вторгались в Армению, пока мечом, огнем и взятием в полон не обратили всю страну в безлюдье. Когда я вспоминаю об этих бедствиях, дух мой смущается, мысли останавливаются, ужас вызывает дрожь в руках, и я не в силах продолжать повествование, ибо горек рассказ мой, он достоин великих слез» (стр. 81—82).

Сводя воедино главы и страницы «Повествования», посвященные Византийской империи, мы особенно отчетливо видим двойственное отношение Ариста́кэса к византийской политике в Армении. В отдельных случаях он страстно обличает вероломство василевсов, но признать империю вра-

гом не решается. Оплакивая утраченное благоденствие армянского народа и вспоминая славное прошлое, наш автор горестно замечает: «Помимо княжества Куропалата и территорий, подвластных ромеям, в Армении были четыре царских престола. Была великая патриаршая власть, вызывающая зависть среди всех народов...» (стр. 106). Таким образом, византийское владычество как таковое представляется ему столь же естественной формой правления, что и царская власть в Армении.

Еще за несколько лет до создания интересующего нас памятника отношение к Византийской империи было одним из критериев политической ориентации. Чьи воззрения могло отражать «Повествование»? Разумеется, не той части армянского феодального общества, которая стала на откровенно провизантийскую точку зрения и в 40-х годах XI в. группировалась вокруг веста Саргиса и католикоса Петроса. Но Ариста́кэс, видимо, был далек от группировки, возглавляемой Ваһрамом Пахлавуни, оказавшей решительное сопротивление византийской экспансии. Ариста́кэс Ластивертци — выразитель настроений той группы, которая признала византийское владычество со всеми его последствиями естественным *modus vivendi* и вольно или невольно примирилась с имперским правом порядком. И тогда становится понятным, почему он столь бесстрастно повествует о переселении в Византию васпураканского царя Сенекерима или будущего дука Месопотамии Григория Магистра. Если учесть, что автор жил в давно «византинизированных» областях Армении, подобное мировосприятие станет еще более оправданным.

\* \* \*

Главная тема «Повествования» — нашествие тюрок-сельджуков. Это событие и послужило толчком к созданию интересующего нас памятника: ведь Ариста́кэс повествует «о бедствиях, принесенных окружающими нас инородными племенами». Согласно армянским источникам, впервые турки проникают в Армению в 1016 г. Против появившегося

в Васпуракане тюркского отряда, рассказывает Матвей Эдесский, выступил царевич Давит, но вынужден был отступить. «До этого [армяне] никогда не видели тюркской конницы. Когда же встретились, поразились их облику. То были лучники с распущенными, как у женщин, волосами, армянское же войско не умело защищаться от стрел», — повествует хронист<sup>17</sup>. Об устрашающем впечатлении, произведенном тюрками, рассказывает также продолжатель Фомы Арцруни. Если верить источнику, именно этот набег заставил царя Сенекерима Арцруни покинуть Васпуракан и переселиться в Византию<sup>18</sup>.

В 1021 г. тюрки снова напали на Армению. Их отряд дошел до Двина, но навстречу вышел князь Васак Пахлавуни и одержал над ними победу<sup>19</sup>. С начала же 30-х годов XI в. на Армению совершают нападения отряды собственно сельджуков<sup>20</sup>.

Но настоящее нашествие на Армению началось в 1047/48 г. К этому времени огузские племена, во главе которых стояли Тогрул-бек Мухаммад, Чагры-бек Давуд — внуки Сельджука, дядя Тогрул-бека Ибрахим Янал и Кутулмыш, представляли собой значительную силу. Они нанесли поражение династии Газневидов. В августе 1038 г. тюрки заняли Нишапур, и с тех пор имя Тогрул-бека произносилось во время пятничной молитвы. 22 мая 1040 г. последний Газневид Масуд в битве при Данданакане был обращен в бегство. Значительные массы огузов двинулись к Азербайджану, вторглись в Армению и Верхнюю Месопотамию. Это нашествие, завершившееся в 1071 г. поражением византийского войска в битве

<sup>17</sup> Там же, стр. 46—49; франц. пер., стр. 40—43.

<sup>18</sup> Товма Арцруни, стр. 306 (древнеарм. текст).

<sup>19</sup> Вардан, стр. 131 (древнеарм. текст). В тексте Вардана упоминается Тугрил-бек, однако, видимо, здесь речь идет не о сельджукиде Тогрул-беке, а либо об одноименном лице, либо произошла контаминация событий. К этим же событиям относится и рассказ Матфея Эдесского о нападении «царя дейлемитов» — под 971 (!) г.; Матфеос Урхайеци, стр. 11; франц. пер., стр. 9.

<sup>20</sup> См. Агаджанов-Юзбашян, *К истории тюркских набегов*.

при Маназкерте (греч. Манцикерт) и пленением императора Романа IV Диогена, и составляет основное содержание нашего памятника. К описанию тюркского нашествия автор приступает в главе XI.

Первый набег был совершен в 1047 г., когда тюркские отряды через Васпуракан проникли в долину Басеана, плодородную местность южнее Эрзерума. «Они дошли до *газара* Басеан, до *дастакерта*, который зовется Валааршапан, мечом, огнем и взятием в полон разорили 24 *газара*» (стр. 87). Этот поход преследовал, вероятно, разведывательные цели. В следующем, 1048 году тюрки опять дошли до Басеана и Карина. Близ Смбаатовой крепости, в области Мананали, скопилось множество беженцев, и Аристокс рисует потрясающую картину их поголовного избиения.

В последующих главах, довольно однообразных по манере изложения, подробно рассказывается о разорении Арцна, о поражении, которое понесли византийские войска в 1049 г. близ Басеана. В 1053 г. тюрки осадили столицу Ванандского царства Карс, захватили и подожгли ее; смерти избежали лишь те, кто скрылся в городской цитадели.

Подробно описывается поход 1054 г. (глава XVI), который возглавлял сам султан Тогрул-бек. Тюрки дошли до Маназкерта, но взять его не смогли и повернули обратно. Здесь же, между прочим, Аристокс рассказывает о стычке у Баберда между тюркским отрядом и воинами известной варяго-русской дружины, состоявшей на византийской службе. «Повествование» остается пока единственным в армянской литературе памятником, сохранившим армянскую форму термина «варяги» — *вранги*.

Аристокс продолжает свой рассказ о набегах на области *hАштеанк*, *hАндзэп*, Хордзеан, Мананали — армянские территории, номинально относящиеся к Византийской империи, подробно описывает нападение на Мелитину. Выходец из округа Арцна, Аристокс отлично разбирается в географии соседних областей, сообщает множество подробностей, почерпнутых, вероятно, из устного источника. Он прерывает свой рассказ, чтобы обличить нечестивых еретиков-тондракитов, и вновь

возвращается к сельджукам, описывая захват Ани султаном Алп-Арсланом в 1064 г. Заключительная глава XXV посвящена битве при Манцикерте, в которой византийский император Роман Диоген был разгромлен тюрками и попал в плен (1071 г.).

Главы, посвященные сельжукским нашествиям, имеют большую познавательную ценность. Автор сообщает подробные сведения о маршрутах походов, тактике, военной технике тюрков. Из его изложения явствует, что поначалу тюрки стремились лишь овладеть городами, чтобы захватить добычу, и не делали попыток создать свое политическое управление. Попутно Аристакас приводит немногочисленные, но очень интересные сведения о торгово-ремесленных центрах Армении — Ани, Ардне, Карине и др. И хотя рассказ изобилует цитатами из библии и риторическими экскурсами, изложение действительных событий можно выделить без труда.

Нашествие тюрков Аристакас Ластивертци воспринимает как величайшее бедствие. В беспредельной ненависти к врагам-поработителям тонет обязательная для христианского писателя враждебность к инаковерующим. Сельджуки — убийцы, разрушители, насильники и уж в самую последнюю очередь святотатцы. И если Аристакас решается порой заговорить о каких-либо добрых чертах того или иного сельжукского вождя, то лишь для того, чтобы исключением подчеркнуть правило. Картины избиений следуют одна за другой, ужасы нагромождаются, и в главе XXV кульминация: поражение византийских войск в битве при Манцикерте (под началом у Романа Диогена имелись также армянские и грузинские отряды) знаменует крах надежд на избавление. Современник и очевидец, Аристакас неизбежно должен был сосредоточить внимание на разрушительных последствиях тюркских набегов, отвлекаясь от прочих сторон такого сложного исторического явления, как сельжукское движение.

Риторический рассказ ведется по канве действительных событий, но автор претендует не только на достоверность и документальность, но и на эмоциональное воздействие. Например, описания побоищ призваны в первую очередь воздей-

ствовать на чувства читателя. Приближение врага описывается в эпических тонах: «В тот год над нашей страной разверзлись врата небесного гнева. Из Туркастана двинулось огромное войско, и кони их стремительны, как орлы, с копытами, подобными твердым камням. Их луки натянуты, стрелы заострены, они туго опоясаны, и не разорвать ремней на их сапогах. Они проникли в *гавар* Васпуракан и нанали на христиан, подобно изголодавшимся волкам» (стр. 86—87). Но вот неприятель проник за городские стены, и «города разрушены, дома сожжены, дворцы в пламени, царские палаты обращены в пепел. Мужчины перебиты на площадях, женщины покинули дома рабынями, грудные младенцы побиты о камни, и увяли прекрасные лики отроков. Девы обещены на площадях, а юноши зарублены на виду у стариков. Треплются покрытые кровью благородные седины старцев, а тела их валяются на земле. Сверкают мечи врагов, они обессилели [от убийств]; лопнула тетива у луков, и в колчанах кончились стрелы, сами они изнемогают, но сердца их не стали милостивее...» Наконец кончилось побоище: «А после их ухода там можно было видеть страшное зрелище, достойное оплакивания, страшнее, чем прежде. Различны были предсмертные страдания. Некоторые из валявшихся еще дышали, у них от жажды пересохли языки, и они тихими, слабыми голосами просили утолить жажду, но некому было поднести [воды]. А тяжелораненные не могли произнести звука и задыхались. У тех было перерезано горло, и полумертвые, они еле хрипели. У этих же были страшные раны, и они били ногами и рыли ногтями землю. Но там было еще более страшное зрелище, которое могло бы вызвать слезы и рыдания у камней и прочих бездыханных предметов. После того как неверные отвели пленных в горы, они стали вырывать младенцев из материнских объятий и швырять наземь, так что весь их стан кипел от обильной крови!» (стр. 88—90).

Аристакас Ластивертци выступает как в качестве историка, так и публициста. Привлекаемый им исторический материал призван иллюстрировать его основную сентенцию. В целом отношение Аристакаса к тюркам настолько прямо-

линейно и последовательно, что дальнейшие комментарии были бы излишни. Отметим лишь, что ужасы сельджукского нашествия (наряду с приведенными выше причинами) в какой-то степени могли заставить автора терпимее относиться к другому врагу — Византии.

\* \* \*

Третья тема «Повествования», весьма важная для понимания идейной направленности памятника, связана с историей тондракитской ереси в Армении<sup>21</sup>. Основную силу этого движения, охватившего многие области как восточной, так и в особенности западной части страны, составляли крестьяне, но ересь была распространена также среди неимущих слоев городского населения, в частности столицы ширакских Багратидов — Ани. И хотя к этому движению примыкали также представители аристократии и духовенства, характер его определяли угнетенные классы города и деревни. Это было широкое антифеодалное движение, которое на протяжении двух столетий приводило господствующие классы в трепет.

Вероучение тондракитов особой оригинальностью не отличалось: здесь мы наблюдаем обычное для народной ереси отрицание церкви с ее обрядностью, отрицание чудодейственной силы креста, отказ от признания святости девы Марии и т. п. Но в эти банальные идеи тондракиты (равно как и их собратья на западе и востоке) вкладывали революционное

<sup>21</sup> См. последние работы в этой области: Ас. Мнацаканян, *О некоторых важных вопросах движения тондракитов*, — ИАН АрмССР, 1954, № 3 (на арм. яз.); А. Г. Иоаннисян, *Движение тондракитов в Армении (IX—XI вв.)*, — «Вопросы истории», 1954, № 10; его же, *Смбат Зарехаванци, его время и современники*, — ВМ, вып. 3, 1956 (на арм. яз.). В расширенном виде статья включена в монографию: А. Иоаннисян, *Очерки истории армянской освободительной мысли*, кн. I, Ереван, 1957, стр. 330—400 (на арм. яз.); С. П. Погосян, *Закрепощение крестьян и крестьянские движения в Армении в IX—XIII вв.*, Ереван, 1956 (на арм. яз.); К. Юзбашян, *Тондракитское движение в Армении и павликиане*, — ИАН АрмССР, 1956, № 9; Бартикян, *Легендарное происхождение павликиан*; В. Григорян, *Новые сведения об авторе сочинения «Ключ истины» Иоаннэсе Иерее*, — ВМ, вып. 5, 1960 (на арм. яз.).

содержание и под этими лозунгами вели борьбу против социального неравноправия.

Тондракитское движение зародилось в первой половине IX в. и было возглавлено Смбатом, выходцем из деревни Зарехаван. В 70—80 годах того же столетия в него вливаются остатки разгромленных в Византии павликиан, и это придает движению широкий размах. Хотя наши источники крайне скудны, можно все же считать, что в X в. движение продолжало шириться и развиваться. Если верна догадка Р. М. Бартикяна<sup>22</sup>, то в 970 г. Иоанн Цимисхий переселил во Фракию именно тондракитов. В XI в. тондракитское движение было представлено рядом течений, одно из которых между прочим генетически восходило к византийским павликианам-койнохоритам, о которых говорит ряд византийских авторов. В 50-х годах XI в. тондракитские общины были разгромлены Григором Магистром, одним из крупнейших армянских феодалов, который к этому времени стал дуком византийской фемы Месопотамии.

Тондракитам Аристахэс посвящает главы XXII и XXIII своего труда и повествует о событиях, происходивших в hАрке и Мананали, то есть тех областях Юго-Западной Армении, о которых наш автор имеет наиболее полное представление. Хронологически же эти события восходят ко времени католикоса Саргиса Севанского (992—1019). Аристахэс рассказывает, как hАрский епископ Йакоб выдавал себя за праведника и как повсюду распространилась его слава. На самом же деле, поясняет автор, он был заражен нечестивой ересью и старался обратить в нее послушных его воле иереев. Церковный собор дважды пытался пресечь его деятельность, но «лицемерный образ Йакоба опутал всех *ишханов гавара* словно цепями, и они поклялись скорее умереть в бою, чем выдать его собору». В своей решительности, желчно отмечает Аристахэс, он уповал на помощь не бога, а *ишханов*. Дальше рассказывается, что Йакоба удалось схватить лишь с помощью предателя, после чего отступник бежал в Константинополь.

<sup>22</sup> Бартикян, *Легендарное происхождение павликиан*, стр. 86—89.

Он пытался принять греческую веру, был отвергнут, после чего явился в деревню Тондрак (где когда-то зародилась эта ересь) и там на некоторое время обрел пристанище. Вскоре, однако, он был изгнан своими соумышленниками и умер в г. Майяфарикине.

В главе XXIII рассказывается об иноке Кунџике, который сам впал в нечестивую ересь и вовлек в нее женщину по имени hРанойш, «а происходила она из первенствующего и знатного рода». hРанойш в свою очередь приобщила к ереси двух сестер, которые владели перешедшими к ним по наследству деревнями. Следующей жертвой оказался их брат *ишхан* Врвэр, в прошлом отличавшийся крайней благочестивостью. Врвэр проповедовал нечестивое учение среди жителей принадлежавших сестрам деревень. Крестьяне разгромили свою церковь близ города Базмалбюр и разбили крест. Дали знать патриарху, и лишь после этого удалось схватить шесть еретиков-проповедников и заклеить их «лисыим знаком». По приказу царя (очевидно, Гагика I) туда был послан судья, но Врвэр сумел настроить его против своих врагов-епископов, и те были взяты под стражу. Только чудесное знамение, утверждает автор, помогло судье понять, кто такой в действительности Врвэр. Тем не менее судья обошелся с Врвэром милостиво, «ибо брат нечестивца своим княжеским достоинством и мужественной отвагой принадлежал к числу избранных и был лично известен царю». Затем Врвэра постигла небесная кара: он оказался жертвой проказы и умер, так и не отказавшись от ереси.

Как верный служитель церкви и как выразитель интересов господствующего класса Ариста́кс питает к тондракитам острую ненависть. Ариста́кс Ластивертци создавал свой труд в период, когда в памяти его современников еще не сгладились впечатление от грозной вспышки классовой борьбы и от страшной резни, учиненной еретикам Григором Магистром. Однако наш автор совершенно умалчивает об этих событиях и, резко нарушая хронологическую последовательность своего изложения, обращается к отдельным эпизодам конца X или начала XI столетия. «Мы сочли неуме-

стным описать отвратительную деятельность еретиков... Слух не у каждого стоек, упоминание о многих прегрешениях увлекает внимающего и даже подталкивает его к подобным действиям», — весьма определенно излагает автор свою позицию. И одной лишь фразой он характеризует сущность секты: «Они не приемлют церковь и церковный чин, [не признают] ни крещения, ни великого и страшного таинства литургии, ни креста, ни поста» (стр. 127).

Таким образом, автор отвлекает внимание читателя от сравнительно недавних событий, связанных с движением, всячески стремится уберечь его от соблазна и включает в свое повествование местные предания чуть ли не столетней давности, которые преподносятся в соответствующем оформлении. Две главы, посвященные тондракитам, являются по существу не чем иным, как воинственной проповедью против «отвратительных», с точки зрения правоверного церковника, нравов еретиков.

Умышленно односторонний подход к оценке движения проявляется и в другом. Нам известно, что тондракитство было преимущественно народным движением. А о ком рассказывает наш автор? О знатной даме hРанойш, о сестрах Ахни и Камарай, владелицах деревень, об *ишхане* Врвэре (при этом становится известным, что брат Врвэра был близок царскому двору). Он говорит о судье, который с подозрительным милосердием отнесся к еретику. О зараженном нечестивым учением епископе Йакобе и «послушных его воле» иереях, причем взгляды их разделяют местные *ишханы*. Рассказывает он, наконец, об упоминаемом выше Кунџике, также принадлежавшем к духовному званию. Таким образом, обращаясь даже к ставшему уже далеким прошлому, автор всячески стремится внушить читателю, что тондракитство не могучее движение угнетенных низов, а всего лишь аристократическая ересь, которая находила немногочисленных приверженцев среди знати и духовенства. Но умалчивая о событиях, которые могли бы дать представление о действительном размахе движения, он как верный служитель церкви не считает себя вправе совершенно абстрагироваться от гроз-

ной опасности, исходящей от тондракитства. И, повествуя об этих Кунџиках и Врвѣрах, автор обретает возможность высказать свое отношение к секте вообще и настроить читателя в желанном для него направлении. Одновременно он как будто стремится показать, что если бы знать берегла себя от скверны, то современникам Аристокса не пришлось бы стать свидетелями вспышки классовой борьбы, потрясшей основы общества.

В период, когда тондракитство наносило церкви удар за ударом, Аристокс выступает страстным проповедником религиозных идеалов и, стремясь в полной мере приобщить к ним читателя, часто вкрапливает в повествование красочные описания церковной обрядности. Вот как пишет он об анийских церквях: «Они своими стройными зданиями, пышными украшениями, неугасимым огнем лампад и светильников (их живой свет разливается в воздухе и дрожит, словно морские волны, когда те в спокойное время колеблет и сталкивает легкий ветерок) являли небесное зрелище. Сладкий дымок ладана, зажженного щедрыми дароносцами, был подобен цвету вишневых деревьев, которые растут на вершинах гор и вбирают [в себя] солнечные лучи. И какой язык в состоянии поведать об обитателях монастырей, о сладости песнопений и непрерывных псалмопениях, о чтении божественных книг, о господних праздниках и почитании мучеников...» (стр. 79—80). Изложение его порой выливается в страстную молитву, что вполне согласуется с сугубо религиозным мышлением Аристокса. Последнее обстоятельство и обусловило концепцию, положенную в основу сочинения, ибо к какой бы теме ни обращался Аристокс Ластивертци, он в первую очередь — верный сын церкви.

\* \* \*

Наш автор — историк общеармянский, в поле его зрения — судьба [народа в целом, и это во многом определяет направленность философских экскурсов «Повествования». Идея единства армянского народа, которая в значительной степени

была обусловлена жестокой необходимостью постоянной борьбы против иноземных поработителей, отражена уже в ранних памятниках армянской историографической литературы. В сочинении Аристокса Ластивертци эта идея получила дальнейшее развитие. Этим помимо прочих обстоятельств определяется место «Повествования» среди многочисленных исторических трудов средневековой Армении.

Аристокс Ластивертци жил в эпоху острой политической борьбы. Атмосфера этой борьбы — классовой и полигической, усугубленная внешними факторами, и породила то тревожное настроение, которое свойственно сочинению Аристокса.

По своим воззрениям Аристокс — явный горожанин. Описанию жизни в деревнях он уделяет очень мало места, зато с удовольствием описывает богатства и кипучую жизнь Ани, Арџна, Карса, Мелитины и других городов. Карс, пишет он, с давних времен «был избавлен от бедствий, посему жители пребывали в безмятежности и богатели, накапливая щедроты моря и суши» (стр. 96). Арџн своим величием славился во всем мире. *Ишханы* Арџна, говорит автор, были человеколюбивы, судьи справедливы и неподкупны. Купцы строили церкви. Торговали честно. Прибыль, получаемая от ростовщичества, порицалась. Посему они и благоденствовали.

Но в той же главе XII, посвященной разграблению Арџна, он пишет, как *ишханы* уподобились разбойникам и обратились в рабов серебра. Судьи выносили решения за взятки и ради них попирали законы. Чрезмерные проценты стали обычным явлением. «Тот, кто обманывал другого, гордился своей сообразительностью, а кто грабил, заявлял: я могуч! Знатные обирали дома соседей-бедняков, вторгались в пределы их полей...» (стр. 91). Говоря о захвате Ани отрядами Алп-Арслана в 1064 г., Аристокс восклицает: «Таков удел неправедных городов, которые обстраиваются ценой крови чужестранцев, процветают за счет пота бедняков, ростовщичеством и несправедливыми сделками укрепляют свои дома. Безжалостные к неимущим, они стремятся лишь к веселью и неге, не чуждаются грязных дел...» (стр. 129). Стяжательство

стало характерной чертой эпохи, ему поддался даже католикос Петрос.

Как уже говорилось, исторический труд Аристокса посвящен описанию постигших Армению ударов. В ритмическом прологе автор характеризует свою эпоху как время великих страданий:

Наступили для нас дни мучений,  
и постигли нас великие бедствия

.....

Иссякло дыхание, мы гибнем в отчаянии,  
нас поглотила всемогущая смерть,  
а преисподняя смолчала при этом!

.....

С четырех сторон ныне войны проснулись:  
с востока — меч, с запада — гибель,  
с севера — пламя, с юга — смерть!

С точки зрения Аристокса все эти беды — неотвратимое возмездие за греховность человеческой природы:

Ибо переполнилась мера грехов,  
и суетный глас наш вознесся к богу!

Но Аристокс не ограничивается этим толкованием возмездия за грехи, в той или иной мере свойственным всей христианской литературе. Как правильно подметил еще Манук Абегиан<sup>23</sup>, постигшие Армению бедствия Аристокс объясняет не греховностью человека вообще, но грехом, совершенным народом в целом:

Каждый смертный свой путь осквернил,  
страна исполнилась нечестивости,  
убавилась справедливость, возросло беспутство,  
мирянин и иерей изолгались перед богом.

Потому-то, заключает Аристокс, нас смогли изгнать из нашего обиталища, надругавшись над нашей честью и потопив славу. Нашествие сельджуков явилось страшным,

<sup>23</sup> Абегиан, *История древнеармянской литературы*, кн. II, стр. 36.

но справедливым ударом: «Мы не служили господу, так послужим чужестранцам, презрели страх божий — день за днем нас будет преследовать страх перед ними... И [бог] не только вразумил нас за грехи наши, но с милосердием и состраданием вверг нас в горнило, дабы наставить на путь истинный и добрый» (стр. 135). И в последних строчках своего сочинения в полном соответствии с этими мыслями он объясняет назначение своего труда: «...мы все это изложили с целью, чтобы, прочтя, вы узнали — грех был причиной всего постигшего нас. Чтобы взирая на нас, вы трепетали перед богом, дрожали от страха перед его могуществом. И своевременной исповедью и покаянием предупреждали [наказание], а не вызвали [возмездие], став его жертвой» (стр. 137).

Не видя исхода, он весь во власти глубокого пессимизма по поводу будущих судеб родного народа. Но, оставаясь в пределах теологического мышления, происходящие вокруг него явления Аристокс рассматривал как творимые народом греховные деяния, а бедствия, постигшие Армению, воспринимал как возмездие за них.

\* \* \*

В самом конце своего послесловия Аристокс заявляет, что он обратился «к древним летописям, чтобы должным образом, приличествующими словами они наложили отпечаток на эту книгу, где достоверно собраны воедино события прошлого и настоящего». Речь идет не о литературных источниках «Повествования» (как могло бы показаться), а о сочинениях, использованных в качестве образца. Письменные источники, к которым прибегал Аристокс, при разборе его сочинения установить довольно трудно. С уверенностью можно указать лишь на одного писателя, труд которого использовал Аристокс. Это Стефаннос Тарбонаци, по прозвищу Асолик, автор скромной по литературным достоинствам, но весьма насыщенной ценным фактическим материалом «Всеобщей истории», которая завершается смертью царя Гагика I<sup>24</sup>. Оттуда Аристокс исполь-

<sup>24</sup> Так утверждает Аристокс в главе II. Дошедший же до нас в нескольких рукописях текст Асолика оканчивается событиями XI в.,

зовал факты, касающиеся смерти Давида Куропалата и прибытия императора Василия II в Тайк.

Обращаясь к политической истории Византии, Аристокс, конечно, мог познакомиться с сочинениями греческих писателей, но о событиях в Армении он пишет на основании личных наблюдений, расспросов и т. д., во всяком случае как современник. Собственно говоря, его труд — это исторические мемуары о важнейших событиях истории Армении XI в. В них мы не найдем последовательного изложения, что характерно, например, для хронографии Матфея Эдесского или творения того же Асолика. При этом «Повествование» — не столько ученый труд, сколько назидательное сочинение, правда на обширной исторической основе. И хотя изложение его пестрит цитатами из священного писания, Аристокс проводит четкую грань между изложением реальных событий и экскурсами назидательного характера и не раз прерывает себя фразами вроде: «Но обратимся к нашей истории». Сочинению Аристокса присущи и художественные достоинства. Наш автор следует определенной традиции, сложившейся в армянской исторической литературе. Художественность изложения свойственна ряду памятников армянской историографии, в наибольшей степени — труду Елише, посвященному перипетиям борьбы армян против иранского владычества в 450—451 гг. Художественные достоинства «Повествования» должны были усиливать его дидактическое воздействие.

Произведению Аристокса Ластивертци свойственны большая эмоциональная насыщенность и взволнованность. В нем, разумеется, много риторики; при описании избиений он пользуется одинаковыми литературными приемами, грешит трафаретными метафорами. Но многие страницы «Повествования» отличает образность речи, способная увлечь и современ-

после чего следует колофон автора. Приходится допустить, что заключительные (равно как и начальные) главы «Всеобщей истории» по тем или иным соображениям были изъяты анонимным редактором. Ср. Асолик, русск. пер., стр. VII—IX.

ного читателя. Используя библейский образ, он, например, следующими словами рисует положение Армении после набега сельджуков: «... испила страна наша Армянская этого несмешанного вина и горько опьянела. Погрузилась в дремоту, утратила разум, испив все до конца. И лежит она на перекрестке всех дорог, обнаженная и обесчещенная, и попирают ее прохожие. Она покинула дом свой, удалилась от знакомых, отрешилась от семьи и родных, стала пленницей всех народов!» (стр. 87—88). Некоторые сравнения как будто выхвачены из реальной жизни: «И страна наша стала походить на поле, когда наступает время жатвы: вслед за косцами двигаются вязальщики, и они оставляют за собой лишь колоски и жнивье для пастбы скота» (стр. 95). Нередко Аристокс реалистически воспроизводит живую речь того или иного исторического лица. Аристокса Ластивертци можно сравнить с талантливым средневековым миниатюристом: оба творят в рамках устойчивого канона, но природный дар позволяет им предельно использовать предоставленные возможности, чтобы создать волнующее художественное произведение.

Как и следовало ожидать, язык нашего памятника — грабар, древнеармянский литературный язык, наиболее ранний образец которого (Библия) восходит к началу V в. При всех своих богатейших возможностях в XI в. грабар переставал быть живым языком. Аристокс в совершенстве владеет грабаром, но он не пурист, и в сочинении его бросается в глаза явное стремление примирить школьную каноничность литературного языка с эмоциями разговорной речи. Образный стиль «Повествования» обеспечивает ему достойное место среди лучших памятников армянской историографической прозы.

\* \* \*

Труд Аристокса Ластивертци впервые был издан мхитаристами в Венеции в 1844 г.<sup>25</sup> В основу сводного текста были

<sup>25</sup> «Повествование вардапета Аристокса Ластивертци», Венеция, о-в св. Лазаря, 1844 (*Պատմութիւն Արիստակէսի Լաստիվերտցիի, Վահանիկի, Ս. Ղազար, 1844*).

положены четыре рукописи XVIII или начала XIX в. Во время печатания издателям стала доступна еще одна рукопись, переписанная в 1824 г. и хранящаяся в Парижской национальной библиотеке<sup>26</sup>. Текст «Повествования» опубликован в обычной для мхитаристов того времени манере: описания рукописей отсутствуют, разночтения приводятся выборочно и сопровождаются неопределенными пометками вроде: «в двух рукописях», «так во всех рукописях» и т. п. Последующие издания — венецианское 1901 г. и тифлисское 1912 г. — воспроизводят первое. Таким образом, до недавнего времени в научном обиходе имелся единственный вариант сводного текста, подготовленный в середине прошлого века. С этого текста выполнен французский перевод Эвариста Прюдона<sup>27</sup> и новоармянский — Минаса Тэр-Петросянца<sup>28</sup>.

В настоящее время методика публикаций, принятая мхитаристами в XIX в., устарела. Она вынуждала исследователя слепо верить изданному тексту и ограничивала возможности критики памятника, поскольку реконструкции и конъектуры уместны лишь после того, как исчерпаны данные рукописей. Что же касается нашего автора, то в литературе высказывались сомнения, насколько изданный текст верно воспроизводит сочинение Аристокса в его первоначальном виде<sup>29</sup>. Подобные соображения побудили автора этих строк в 1956—1958 гг. подготовить новый вариант компаративного текста «Повествования» Аристокса Ластивертци с использованием девяти

<sup>26</sup> См. F. Macler, *Catalogue des manuscrits arméniens et géorgiens*, Paris, 1898, № 224, p. 120. Издатели сочинения Аристокса ошибочно указывают, что рукопись переписана в 1825 г.

<sup>27</sup> *Histoire d'Arménie comprenant la fin du royaume d'Ani et le commencement de l'invasion des seldjoukides par Arisdaguès de Lasdiverd*, traduite par M. E. Prud'homme, Paris, 1864.

<sup>28</sup> «История Армении вардапета Аристокса Ластивертци», Александрополь, 1893 (*Արիստակէս Լաստիվերտցի վարդապետի Հայոց պատմութիւնը, Քարգմանեց Մինաս Բաշանյայ Տէր-Պետրոսեանց. Աղերանդրուի, 1893*).

<sup>29</sup> См.: Грен, *Династия Багратидов в Армении*, стр. 54; Марр, *Ани*, стр. 126, прим. 81.

рукописей ереванского Матенадарана<sup>30</sup> и одной — Института народов Азии Академии наук СССР<sup>31</sup>; при этом, разумеется, был учтен и изданный текст с приведенными разночтениями. Изданию памятника предшествует текстологическое предисловие, в котором дается подробное описание использованных рукописей и их оценка. Основной текст реконструирован, т. е. он не совпадает с каким-либо рукописным вариантом, но воссоздан в пределах сохранных рукописями чтений. В подстрочном аппарате даются все те разночтения, которые, по мнению издателя, внесены переписчиками. Этот метод в данном случае был оправдан тем, что рукописные редакции очень близки между собой и разнятся лишь в отдельных чтениях<sup>32</sup>.

Сравнительно большое число использованных рукописей позволило внести в текст некоторые существенные коррективы. Ряд исправлений устраняет стилистические шероховатости первого издания. В целом же текстологический анализ показывает, что сочинение Аристокса Ластивертци дошло до нас в достаточно близком подлиннику виде, и это позволяет с большей уверенностью делать выводы по поводу содержания этого памятника.

Труд Аристокса Ластивертци был по достоинству оценен уже в конце XVIII в.<sup>33</sup> (хотя уже и средневековые авторы оценивали его весьма лестно) и с тех пор продолжает привлекать пристальное внимание арменистов. С появлением же

<sup>30</sup> Матенадаран, собр. арм. рук., № 2865, лл. 222а—276а; № 3160, лл. 355а—442б; № 3070, лл. 159а—225б; № 1482, лл. 90а—111а; № 4584, лл. 59б—74а; № 2796, № 1875 и № 6457. Первая из перечисленных рукописей — древнейшая, относится к XIII—XIV вв.

<sup>31</sup> Рукописный отдел Института народов Азии АН СССР, собр. арм. рук., № В-66. Эта рукопись является копией № 3070.

<sup>32</sup> «Повествование Аристокса Ластивертци». Текст подготовил и снабдил предисловием К. Н. Юзбашян, Ереван, 1963. [Рецензии]: ВВ, XXV, 1964, стр. 274; «Базмавэп», Венеция, 1963, январь—март, стр. 59—60 (на арм. яз.).

<sup>33</sup> Еще не опубликованный, он в рукописи был широко использован М. Чамчяном в его «Истории Армении» [т. II, Венеция, 1785 (на арм. яз.)].

французского перевода он широко вошел в международный научный оборот<sup>34</sup>. К «Повествованию» как историческому источнику обращаются и византиноведы и историки-востоковеды. Между тем французский перевод памятника (в котором опущены как пролог, так и послесловие автора) уже устарел, а в ряде случаев основан на неправильных чтениях. Кроме того, он был издан около столетия назад и давно стал библиографической редкостью. Поэтому издание нового русского перевода, выполненного с критического текста, представляется вполне оправданным.

Стремясь передать содержание подлинника с возможной точностью, переводчик тем не менее старался избегать рабского повторения периодов и конструкций, характерных для текста памятника, памятуя, что «Повествование» не только ученый труд, но и художественное произведение. Это же стремление обусловило и несколько архаичный язык перевода. Перевод «Повествования» выполнен по тексту нового издания, сочинение переведено полностью, за исключением религиозно-богословских экскурсов, которые лишены реального содержания и, являясь выражением литературной манеры средневековья, сами по себе для понимания авторского замысла ничего не дают. Эти купюры обозначены в тексте многоточием, заключенным в квадратные скобки<sup>35</sup>.

Переводы выдержек из Ветхого и Нового заветов в большинстве случаев заимствованы из русского издания Библии (М., 1956) и не претендуют на полное соответствие тем чтениям, которые использованы Аристакасом. Последние могут представить интерес для критики армянской Библии, но лишь в том случае, если будут изучаться в подлиннике, почему мы и допустили известную вольность при их переводе.

Историко-филологический комментарий призван помочь читателю правильно понять текст памятника, и это обуславливает пределы использования литературы. Естественно, для

<sup>34</sup> Библиографию работ, посвященных Аристакасу Ластивертци (составлена А. С. Анасяном), см. Новое издание, стр. 149–153.

<sup>35</sup> Подобные купюры сделаны и во французском переводе.

анализа отраженных в «Повествовании» событий этот комментарий явно недостаточен<sup>36</sup>. Работа завершается указателями: имен, этно-географических названий и предметно-терминологическим.

Остается сказать несколько слов о принятой в переводе транслитерации собственных имен и терминов.

В 1858 г. Н. О. Эмин опубликовал свой знаменитый перевод «Истории Армении Моисея Хоренского»<sup>37</sup> и тем самым положил начало научным переводам памятников средневековой армянской литературы на русский язык. В своем труде Н. О. Эмин стремился выполнить все требования современной ему науки и не мог, естественно, обойти вопросы, связанные с передачей армянских собственных имен и географических названий. Для «выражения в русском правописании особенностей звуков некоторых армянских букв, которым равносильных не представляет русская азбука», Эмин воспользовался рядом диакритических знаков, аффрикаты же передавал описательно. Таким образом армянскому **թ** соответствовало **т**, арм. **փ** — **п**, **ք** — **к**, **չ** — **х**, **ղ** — **ж**, **ծ** — **ц**, **ձ** — **дц**, **ճ** — **тж**, **ջ** — **дж**. Для передачи армянского **ը** Эмин пользовался знаком **ё**.

Система Н. О. Эмина была далека от совершенства, разница между знаками армянского алфавита и соответственно звуками выявлялась не всегда. Так, армянские **խ** и **չ** передавались при помощи русского **х**, разница между **ս** и **ր** никак не отражалась. В самом тексте нетрудно обнаружить многочисленные отступления от предложенной переводчиком системы. Так, арм. **Վրթանիկ** следовало бы передать в форме Вёртанёс, а не Вёртанес, как в тексте (стр. 166, 167); арм. **Մանանիկ** фигурирует в форме Мананахи вместо ожидаемого Маначахи (стр. 201) и пр. Тем не менее при всем несовершенстве этой транскрипции Эмин был первым переводчиком, предпринявшим попытку выработать правила для передачи армянских собствен-

<sup>36</sup> Эти вопросы будут освещены в специальной работе, раскрывающей армяно-византийские отношения и родственные проблемы.

<sup>37</sup> «История Армении Моисея Хоренского», перевел с армянского и объяснил Н. Эмин, М., 1858.

ных имен и выделения звуков, характерных для армянского языка.

В конце прошлого и начале текущего столетия, когда русская арменистика переживала пору блестящего расцвета, вульгарная передача армянских собственных имен совершенно исключалась. В трудах Н. Я. Марра, Г. А. Халатянца, Н. Г. Адонца, И. А. Орбели широко используются диакритические знаки; с помощью несложного ключа можно было точно воспроизвести подлинное армянское написание. В основе всех этих систем лежали по существу принципы Эмина; они передавали армянские имена средствами преимущественно русской графики, но эти системы были значительно совершеннее и полнее, не говоря уже о том, что применялись они гораздо последовательнее. Вряд ли нужно доказывать, сколь необходима в научном переводе правильная, исключая двусмысленное толкование передача собственных имен и терминов. Тем не менее в последние годы вульгарное написание укоренилось во многих русских работах по арменоведению. Так, стала обычной передача армянского *հ* через русское г — *Ваган* (*Վահան*); иногда этот знак опускается — *Айр* (*Հայր*) или передается через русское х — *сепух* (*սեպուհ*). Одновременно с передачей арм. *հ* русское г обозначает также арм. *դ* — *Глак* (*Գլուհ*). Разница между *դ* и *լ* стирается — *Валаршак* (*Վաղարշակ*) и *Еревеал* (*Երեվալ*)<sup>38</sup>.

В настоящем переводе принята система транслитерации на основе современной русской графики; с ее помощью обеспечивается точная передача собственных имен и терминов, следовательно, восстановление при необходимости оригинального написания. Речь идет именно о транслитерации, т. е. точном воспроизведении графического облика данного имени, а не о фонетической или фонематической транскрипции. Предпочтение отдано тем знакам русского алфавита, которые создадут у читателя известное представление не только о написании, но и о звучании данного имени. Учтено также, что

<sup>38</sup> Эти типичные примеры заимствованы из «Истории Армении Фавстоса Бузанда», русск. пер. М. А. Геворгияна, Ереван, 1953.

транслитерированные имена будут фигурировать в обычном русском контексте, поэтому их оформление не должно препятствовать беглому чтению. Система приспособлена к современному восточноармянскому произношению, которое в научном обиходе распространяется на язык на всех этапах его развития<sup>39</sup>.

Для передачи 25 знаков армянской графики можно воспользоваться соответствующими знаками русского алфавита:

|              |                            |              |                            |
|--------------|----------------------------|--------------|----------------------------|
| <i>ա</i> — а | <i>ձ</i> — ж               | <i>ն</i> — н | <i>տ</i> — т               |
| <i>բ</i> — б | <i>ի</i> — и               | <i>շ</i> — ш | <i>ր</i> — р               |
| <i>գ</i> — г | <i>լ</i> — л               | <i>օ</i> — о | <i>ց</i> — ц               |
| <i>դ</i> — д | <i>խ</i> — х               | <i>չ</i> — ч | <i>ֆ</i> — ф <sup>41</sup> |
| <i>ե</i> — е | <i>կ</i> — к               | <i>պ</i> — п |                            |
| <i>զ</i> — з | <i>մ</i> — м               | <i>ս</i> — с |                            |
| <i>է</i> — э | <i>յ</i> — й <sup>40</sup> | <i>վ</i> — в |                            |

Прочие знаки армянской графики передаются с помощью дополнительных знаков и диакритик.

*ը* — среднеязычный гласный среднего подъема; для его выражения в транскрипции обычно пользуются перевернутым *е*: *э*<sup>42</sup>. Этот знак сохранен и в предлагаемой системе.

Для придыхательных согласных *թ*, *փ*, *ք* использован апостроф в обратную сторону, который ставится над соответствующими буквами русского алфавита — *т́*, *п́*, *ќ*. Этот диакритический знак для передачи аспирации широко распространен в международных транскрипциях.

Фарингализованные аффрикаты *ժ* и *ճ* обозначены соответственно *ц́* и *ч́* (в отличие от предыдущей диакритики знак ' обозначает характерное для этих звуков отсутствие

<sup>39</sup> В зарубежной литературе при транслитерации руководствуются обычно западноармянским произношением с характерным для последнего оглушением звонких и озвончением глухих согласных.

<sup>40</sup> В настоящее время среднеязычный сонант *յ* в начале слова по звучанию не отличается от фарингального *հ*.

<sup>41</sup> Знак появляется не раньше XIII в. и поначалу служит для передачи в заимствованных словах европейского *f*.

<sup>42</sup> Из новых пособий см., например, Н. Jensen, *Altarmenische Grammatik*, Heidelberg, 1959,

аспирации); *ʒ* и *ʒ* передаются буквенными сочетаниями — *дж* и *дз*.

Фарингальный *ʒ* передается обычно с помощью лат. *h*, этот знак принят и в настоящей системе.

Буква *q* в древности передавала мягкое л и в заимствованных из греческого словах соответствовала лямбде. Впоследствии звук превратился в звонкий увулярный щелевой. В предлагаемой системе предпочтение отдано знаку *ġ*, поскольку он точнее всего передает историческое звучание<sup>43</sup>. В то же время в поздних заимствованиях *q* служит также для передачи арабского, персидского или тюркского *ğ*. Для этих случаев предусмотрен знак *ġ*<sup>44</sup>, так что имя Павел в армянской транслитерации обретет вид *Павġios*, а Тогрул — *Туġрил*.

Помимо простого в армянском языке имеется раскатистое *p* — *ṗ*; для него принят знак *ṗ*<sup>45</sup>.

Губногубной *ɥ*, за исключением немногих заимствованных имен, представляет собой исход дифтонгов. Его транслитерационный знак — *ɥ*.

Для диграфа *h* (в отличие от его пространного написания *h* — *ev*) предусмотрен знак *ev*.

Для *o*, которое появилось в XIII в. и служило для обозначения дифтонга *uo* (выродившегося в простой звук), выбор пал на *ô*<sup>46</sup>.

С помощью приведенных знаков можно воспроизвести любое графическое сочетание, допустимое в древнеармянском. Тем не менее с целью облегчения чтения, в систему включены русские *у* и *ю*, первое для *uo*, второе для *h* — *uo*. Сочетание букв *uo* передает заднеязычный гласный верхнего подъема,

<sup>43</sup> В транскрипциях на латинской основе обозначается *ġ* или *ġ*.

<sup>44</sup> Ср. Г. П. Сердюченко, *О русской транскрипции для знаков зарубежного Востока*, — «Проблемы востоковедения», 1960, № 3, стр. 104.

<sup>45</sup> В грамматике Г. Иенсена *ṗ*.

<sup>46</sup> У Г. Иенсена — *ô*; крышечка над буквой предпочтительнее, так как в русских работах она в отличие от черточки для обозначения долготы звука не употребляется.

сходный с русским *у*<sup>47</sup>. Дифтонг *h* — *uo* в закрытом слоге звучал подобно франц. *u* или нем. *ü*. В открытом слоге этот дифтонг передается с помощью знаков, принятых для его составляющих — *iu*.

Итак, принятую систему транслитерации можно представить следующим образом:

|               |                 |               |               |               |
|---------------|-----------------|---------------|---------------|---------------|
| <i>sh</i> — а | <i>ʃ</i> — ж    | <i>ʒ</i> — ʒ  | <i>uo</i> — ū | <i>o</i> — ô  |
| <i>ph</i> — б | <i>h</i> — и    | <i>ʃ</i> — м  | <i>u</i> — с  | <i>ɥ</i> — ф  |
| <i>q</i> — г  | <i>ġ</i> — л    | <i>j</i> — й  | <i>q</i> — в  |               |
| <i>q</i> — д  | <i>h</i> — х    | <i>u</i> — н  | <i>sh</i> — т |               |
| <i>h</i> — е  | <i>ʒ</i> — ц    | <i>z</i> — ш  | <i>p</i> — р  | <i>uo</i> — у |
| <i>q</i> — э  | <i>h</i> — к    | <i>u</i> — о  | <i>g</i> — ц  | <i>h</i> — ю  |
| <i>h</i> — а  | <i>ʒ</i> — h    | <i>z</i> — ч  | <i>u</i> — в  | <i>h</i> — ev |
| <i>p</i> — ө  | <i>ʒ</i> — дз   | <i>u</i> — п  | <i>q</i> — ġ  |               |
| <i>ṗ</i> — ʃ  | <i>q</i> — ġ, ġ | <i>z</i> — дж | <i>p</i> — k  |               |

В переводе армянские собственные имена и термины, за редкими исключениями, приводятся в транслитерации<sup>48</sup>.

К. Н. Юзбашян

<sup>47</sup> В современном армянском *uo* перед гласным превращается обычно в губнозубной щелевой *q* — русск. *в*; это произношение распространяется и на грабар.

<sup>48</sup> Эта система применена в статьях: Юзбашян, *Дейлемиты*; Агаджанов-Юзбашян, *К истории тюркских набегов*. Близость звукового состава армянского и грузинского языков позволяет распространить ее с некоторыми изменениями и на грузинскую графику. Ср. С. С. Какабадзе, *Грузинские документы* Института народов Азии АН СССР, М., 1967.

## SUMMARY

демесликос (доместик) 24, 74, 152

жамаһар 102, 166

### h3ôp (динат) 24

правуник 152]

ишхан 35, 37, 39, 59, 61, 67,  
68, 72, 79, 82, 85, 87, 91, 94,  
95, 100, 102, 105, 108, 109,  
111, 120, 123, 128, 129, 131,  
134, 145, 157

ишхан 35, 37, 39, 59, 61, 67,  
68, 72, 79, 82, 85, 87, 91, 94,  
95, 100, 102, 105, 108, 109,  
111, 120, 123, 128, 129, 131,  
134, 145, 157

134, 145, 157

мандатор, *μανδάτωρ* 103, 167

мѣлнеай (мѣлнэ) 170, 171

наһанг 142

нахарары 133, 173

ôřřanôřôs (орфанотроф) 24, 74,  
152

лог, провия 24, 74, 151

парекиманос (паракимомен) 19,  
24, 70, 150

пайлакацик 146

пиликуан 102, 166

ἥρος (руга) 24, 109, 151  
 синклитос (синклитик) 74, 152  
 сепуһский полк 83, 156  
 σωτηριεύς, δικαιοσύνη 154

դայիստութիւն, δικαιοσύνη 154

«Narration of the vardapet Aristakēs Lastivertçi about the disasters brought to us by neighbouring barbaric tribes» is one of the most remarkable monuments of mediaeval Armenian historiography. The author was contemporary and an eye-witness of the events he described, which explains the trustworthiness of his account. The «Narration» is not only a historic work, it is also a didactic composition, and striving to make the reader share his thoughts and feelings Lastivertçi often brings high artistic value to his chronicle.

The «Narration» was written in the seventies of the eleventh century (in 1087 at the latest) and covers the period from 1000 to 1071. The discussion centres around the three principal subjects of Armeno-Byzantine relations, the Seljuk invasion, and activities of T'ondrakit heretics.

Starting with a description of the arrival of the emperor Basilius II in Tajk', Lastivertçi passes to the story of the emperor's campaigns for the principality of Tajk', of his negotiations with the king of Armenia on transfer of Ani to Byzantine, of the occupation of Ani by Byzantians, etc. The author devotes some space to history of the Byzantine Empire revealing his good knowledge of many events of the palace life and policies and his mastery of the terminology, the reason being evidently the writer's descent from long-Byzantinized regions of Armenia.

In the chapters dealing with the Seljuks Aristakēs Lastivertçi gives detailed descriptions of routes of their invasion in Armenia, draws terrifying pictures of Turk raids, provides thorough accounts of military activities, touches upon Seljuks' arms, mode of life and habits. In spite of the author's outspoken animosity towards the Seljuks, the chapters devoted to the invasion are an indispensable source for its studies.

Two chapters of the work deal with the movement of T'ondrakits whose heresy was kindred to that of Paulicians, certain historic ties between the movements being easily discernible. In these chapters, however, Aristakēs Lastivertçi speaks only of T'ondrakits on the border of the tenth and the eleventh centuries, thus breaking the chronological thread of the «Narration» and thereby betraying his intention to conceal later events of the middle of the eleventh century when, after the hesery had become most widely spread, T'ondrakit communities were subjected to persecutions by the Byzantine government conjointly with Armenian feudals.

The original text of Aristakēs Lastivertçi's work was published in 1844 in Venici and republished in 1901 and 1912; the French translation by E. Prud'homme gave scholars a wide access to the chronicle. The present Russian translation has been made on the basis of the critical edition to the text published in Erevan in 1963. The translation is complete and unabridged but for certain omissions of theological digressions. The work is analysed as a whole in the introductory article, while the commentary confronts individual passages with evidence of other sources.

ПОВЕСТВОВАНИЕ  
ВАРДАПЕТА АРИСТАКЭСА  
ЛАСТИВЕРТЧИ

*Утверждено к печати  
Ученым советом Института народов Азии  
Академии наук СССР*

★  
Редактор Т. М. Шецова  
Технический редактор С. В. Цветкова  
Корректор О. Л. Щигорева

★  
Сдано в набор 4/VIII 1966 г.  
Подписано к печати 14/XI 1968 г.  
Формат 60 × 90<sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Бум. № 1.  
Печ. л. 12,25. Уч.-изд. л. 9,85.  
Тираж 3000 экз. Изд. № 1675.  
Зак. № 1136. Цена 79 коп.

★  
Главная редакция восточной литературы  
издательства «Наука»  
Москва, Центр, Армянский пер., 2  
1-я типография издательства «Наука»  
Ленинград, В-34, 9-я линия, д. 12